

Протоиерей
Валентин Бирюков

Непридуманные рассказы

На земле мы только учимся жить

Протоиерей
Валентин БИРЮКОВ

На земле мы только учимся жить

Непридуманные рассказы

ДАНИЛОВ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ
Даниловский благовестник
Москва • 2012

УДК 271.2
ББК 86-372
Б 64

РЕКОМЕНДОВАНО К ПУБЛИКАЦИИ
ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ИС-10-08-0258

Б 64 **Бирюков Валентин, протоиерей**
НА ЗЕМЛЕ МЫ ТОЛЬКО УЧИМСЯ ЖИТЬ: Непридуманные рассказы. – М.: Даниловский благовестник, 2012. – 136 с.

ISBN 978-5-89101-473-2

Со многими удивительиыми людьми довелось встречаться протоиерею Валеитииу Бирюкову – 89-летнему священнику из г. Бердска Новосибирской области. Ему было предсказано чудо воскрешеиия Клавдии Устюжаииной – за 16 лет до событий, происходивших в г. Барнауле в 60-х годах и всколыхнувших верующую Россию. Он общался с подвижниками, прозорливцами и молитвеиииками, мало известными миру, ио являющими нерушимую веру в Промысл Божий. Пройдя тяжкие скорби, он подставлял пастырское плечо людям неуверенииым, уиывающим, немощным в вере.

В простых, иа первый взгляд, историях угадывается простота чистого сердца, не умеющего сомневаться в благости Божией, всем существом защищающего «любовь иебесную».

УДК 271.2
ББК 86-372

ISBN 978-5-89101-473-2

Архимандрит Алексий (ПОЛИКАРПОВ),
наместник Данилова монастыря
г. Москвы

«В СКОРБЯХ... НАДО УЧИТЬСЯ ЛЮБИТЬ БЛИЖНЕГО»

«Испытавши все плохое, надо людям помогать. Я знаю вкус горя, учился сочувствовать ближним, понимать чужую скорбь. В скорбях — нынешних и грядущих — надо особенно учиться любить ближних», — пишет 82-летний протоиерей Валентин Бирюков из г. Бердска Новосибирской области в своей книге “На земле мы только учимся жить”.Он сам перенес такие скорби, которые не каждому выпадут. И теперь хочет подставить пастырское плечо спотыкающимся, неуверенным, унывающим, немощным в вере, угадать душевную скорбь и облегчить ее.

Почти 30 лет служит священником протоиерей Валентин Бирюков. Родом из Алтайского села Колыванское, он ребенком пережил раскулачивание, когда сотни семей были брошены на заведомую погибель в глухую тайгу без всяких средств к жизни. Фронтовик, защитник Ленинграда, награжденный боевыми орденами и медалями, он знает цену труда с малых лет. Труда земного и труда духовного. Он взрастил достойный плод — вырастил троих сыновей-священников.

Отец Валентин Бирюков и в преклонных годах сохранил детскую веру, остался открыт чистым сердцем и Богу, и людям. «Милые детки, милые люди Божии, будьте солдатами,

защищайте любовь небесную, правду вечную», – эти слова отца Валентина, обращенные ко всем нам, я бы поставил эпиграфом к его книге.

Простоту веры ощущаешь сердцем, читая бесхитростные, на первый взгляд, рассказы протоиерея Валентина – рассказы, как он сам их называет, «для спасения души». Но через эти – иногда обыденные, иногда потрясающие – истории на нас изливается великая любовь Божия.

Жизнь сводила отца Валентина с удивительными людьми – подвижниками, прозорливцами и исповедниками, мало известными миру, но являющими нерушимую веру в Промысел Божий, веру, творящую чудеса. По милости Божией ему были предсказаны многие события нынешней жизни, в том числе и чудесное исцеление Клавдии Устюжаниной – за 16 лет до событий, происходивших в г. Барнауле и всколыхнувших тогда верующую Россию.

У отца Валентина особый дар – угадывать в других людях простоту веры, свойственную ему самому, самые запутанные вещи объяснять бесхитростным чистым сердцем. Не будучи богословом, он находит нужные слова и для протестанта, и для заплутавшего грешника, и для высокоумного атеиста. И слова эти часто трогают душу, потому что сказаны из глубины удивительно верящего и любящего сердца.

Во всех рассказанных им историях ощущается стремление души к Царствию Небесному, неустанное искание его. Потому в рассказах и о самых тяжких скорбях не угасают надежда и упование на Бога.

Вместо предисловия

СВЕТ СОСТРАДАНИЯ

Все мы живем по различным законам. Душевное, материальное правило — оно простое, очевидное. Букву пропустили — смысл слова меняется, цифру пропустили — расчеты неверные получаются, вот вам и авария.

А если нарушается закон духовный? Тут такая «авария» может произойти — настоящая духовная катастрофа! Хотя последствия попрания духовных законов не для всех так ясны, как следствия нарушений законов земных...

Вся наша настоящая жизнь обличает нас в том, что все мы — преступники Закона Божиего. Заповеди нарушаем, а исправиться не хотим. Не видим, не ощущаем своей личной вины, как будто творящееся вокруг беззаконие нас не касается.

В Бердске, где я живу и служу Господу, например, то и дело встречаю девочек, без всякого стеснения курящих прямо на улице. Подхожу к ним:

— Здравствуйте, девочки. Почему вы курите? Как вам родители разрешают это?

— А папа и мама сами курят...

Вот вам и исток нынешнего разврата — от самих родителей. Если они не запрещают своим чадам смотреть скверные передачи по телевизору, потому что «детям нравится» или потому что «все смотрят», — сколько горя, сколько несчастья бывает посеяно таким равнодушием! И дети нам не скажут доброго слова за эти нарушения нравственного

закона. Сами родители не хотят понимать духовного — вот и горе, вот и несчастье, вот и «авария»: детки малые, девочки прямо на уроках скверные слова говорят...

Я помню, когда мы учились, у нас и понятия не было о хульном слове. Мы никогда не думали, чтобы обидеть кого-то или чужое взять. Не потому, что мы какие-то особенные были, — просто понятие о послушании, о правде все-таки еще не было разрушено, несмотря на господство безбожной власти. А сейчас вместо христианской нравственности — разруха и обман. Вот потому и скорбей так много. Но и скорби, попущенные Богом для исцеления души, часто вызывают у нас ожесточение. Появляется озлобление на всех и вся — бывает, готовы все керосином облить, спичку поднести, пусть все сгорит. Так действует скорбь в иных людях.

Это потому, что враг, сатана, разжигает в нас зависть, покушаясь на Промысел Божий, на Небеса. Он сам не может терпеть чужой радости и благоденствия, так как в нем нет любви и даже малейшего терпения, он должен только мстить — и нас в такое состояние затягивает.

Но забудем ли, что скорбь Христова каждого христианина касается, забудем ли, как Христос говорил, что скорбями и болезнями будут спасаться души наши?

За свою жизнь я много встречал людей, страдавших ради Христа. И не только мучеников за веру. А и тех, кто принял житейское, земное страдание как дар Божий для спасения души, кто через свою скорбь начал жалеть и понимать всех несчастных, страждущих.

Чтобы понимать горе другого, чтобы любить, чтобы помочь, человек должен сам испытать искушение — как говорит Христос. Кто знает вкус этого горя, этого страдания, тот сожалеет о боли другого, понимает его скорбь, сочувствует — ведь у него свое воспоминание о такой же боли, он знает, как это тяжело. Когда человек прошел скорбь, он будет обязательно любить, жалеть, помогать, сострадать, переживать, он ближнему никогда не сделает плохого. Даже

врагу, которого он будет понимать и прощать. Ведь даже в тот момент, когда нас обижают, — обидчик тоже расстраивается, и в голове у него стучит, и сердце стучит, и давление поднимается, и плохо спится, и таблетки не помогают.

Сказать-то о многом бы надо. Но не знаю, будет ли кому польза от этого, научат ли кого истории, собранные в этой книге. Я не собирался их публиковать, только рассказывал людям Божиим для спасения души — за мной записали эти рассказы. Не дерзаю оценивать их. Только бы помочь деток спасти от одичания души. И понять всем нам, что среди беззаконий наша задача — защищать правду, любовь, Закон Небесный. Это Евангелие. Это Небесное Письмо, Господом для нас написанное, это источник нашей благодатной жизни. Это путь во Царствие Небесное.

СИЛА ДУХА

ГОСПОДИ, ПРОСТИ ИХ!

В Бога я верил с детства и, сколько помню себя, удивлялся всегда людям, смотрел на них с восхищением: какие они красивые, умные, уважительные, добрые. Действительно, в селе Колыванское Павловского района Алтайского края, где я родился в 1922 году, меня окружали замечательные люди. Отец мой, Яков Федорович, – учитель начальных классов, на все руки мастер, таких теперь и не сыщешь: и валенки катал, и кожи выделывал, и печки клал без единого кирпича – из глины... Любил я родной храм Казанской иконы Божией Матери, где меня крестили на Казанскую. Внимательная детская любовь была у меня ко всем односельчанам.

Но настало время, когда в 1930 году, на первой неделе Великого поста, отца посадили в тюрьму. За то, что отказался стать председателем сельсовета, не хотел заниматься организацией коммун, калечить судьбы людей – он-то, как верующий человек, хорошо понимал, что это такое: коллективизация. Власти предупредили его:

– Тогда сошлем.

– Дело ваше, – ответил он.

Так отец оказался в тюрьме, которую устроили в монастыре в городе Барнауле.

Сразу после этого и всех нас в ссылку сослали. Восьмой год мне тогда шел, и я видел, как отбирали скот, выгоняли из дома, как рыдали женщины и дети. Тогда сразу что-то перевернулось в моей душе, я подумал: какие люди злые, не мог понять – с ума все сошли, что ли?

И нас, как и всех ссыльных, загнали за ограду сельсовета, своих же сельских поставили часовыми, дали им

ружья. Крестная моя, Анна Андреевна, узнала, что нас согнали к сельсовету, принесла нам пирожков. Подбегает к нам, а молодой парень, поставленный караулить ссыльных, ружьем на нее замахнулся:

– Не подходи, стрелять буду!

– Я крестнику пирожков дать хочу!

– Не подходи, это враги советской власти!

– Что ты, какие враги, это же мой крестник!

Тогда парень нацелился на нее ружьем, грубо оттолкнул стволом винтовки. Она заплакала:

– За что ты меня, Иван?!

Свой, деревенский, русский человек, а дали ему ружье – и он меня, мальчишку, уже считает врагом советской власти. Вот такие мы грешные люди. Я этого никогда не забуду. Тогда, конечно, я не мог этого понимать, откуда все взялось, почему соседский парнишка – 14-летний Гурька – изо всех сил дал мне подзатыльник, когда я побежал к крестной: и по шее меня бил, и по боку, и пинком, и кулаком, и матерком!.. Я заревел. Подумал: почему люди, которых я хорошо знаю, вдруг зверями сделались?

Потом этого Гурьку на фронте убили. А много лет спустя, в 1976 году, когда я уже стал священником, увидел я его во сне. Будто идет прямо в землю огромная труба, а он держится за кромки этой трубы – вот-вот сорвется. Увидел меня – закричал:

– Ты меня знаешь, я – Гурька Пукин, спаси меня!

Я взял его за руку, вытащил, поставил на землю. Заплакал он от радости, начал мне кланяться:

– Дай Бог тебе вечного здоровья!

Проснулся я и подумал: *«Господи, прости его»*. Это душа его молитвы просила. Пошел на службу, помянул, частичку вынул. Господи, прости нас, глупых! Мы же глупые. Это не жизнь, это травля жизни. Издевательство над самим собою и над другими. Господи, прости. Он же пацан был, 14 лет ему. Я помолился о нем, как мог. На следующую ночь снова увидел его во сне. Будто иду я, читаю

Евангелие, а сзади идет он, Гурька. Опять кланяется и говорит:

– Спасибо тебе, дай Бог тебе вечного здоровья!

«СЧАСТЛИВЫЕ ВЫ, ЧТО У ВАС ВСЕ ОТОБРАЛИ...»

Многое из этого, что случилось при раскулачивании, предсказала односельчанам прозорливая девица – монахиня Надежда.

Удивительна история ее жизни. Она с семилетнего возраста не стала вкушать мясное и молочное, питалась только постной пищей, готовя себя к монашеству. Отец ее всю жизнь был старостой в нашем Казанском храме, мамочка стряпала, убиралась в церкви. Когда Надежда выросла, за нее сватались два купеческих сына – ни за кого не пошла.

– До свидания! – вот и весь разговор.

Был в ее жизни случай, когда она обмирала, – трое суток ее душа была на Небе. Рассказывала она потом, как Царица Небесная ее трое суток по мытарствам водила. И когда очнулась Надежда, то весь девичий наряд раздала по бедным и стала ходить в льняной одежде. Все до ниточки было у нее льняное – даже ленточки в Евангелии.

Она каждый день вычитывала полную Псалтирь и одного Евангелиста. А потом шла на работу. Дров себе навозит на тележке, сеяла сама. А когда землю отобрали, она колосков наберет, на мельницу зимой свозит и живет этим. При этом она никогда ничем не болела.

Эта монахиня Надежда многим предсказала будущее – вплоть до сегодняшнего времени. Я сам свидетель тому, что задолго до «перестройки» она говорила, что у людей будут «большие» деньги, мою жизнь наперед видела.

Ей и было открыто, кто не пойдет в коммуну, кто претерпит за это. В 28-м году, незадолго до раскулачивания,

подойдет вечером к двери какого-нибудь дома и тихонько, чтобы не слышали дети, говорит:

– Молодцы вы, что в коммуну не пойдете. Но вас из дома выгонят, отберут землю, скот, все ценности и сошлют в ссылку.

А что такое коммуна – тогда никто и не знал, узнали после. И кого она известила – тех и сослали в ссылку, а к кому не подошла – те пошли в коммуну. Вот какое знание ей было дано от Бога. А когда стали ссылать земляков, она утешала их:

– Вы не плачьте – вы счастливые.

Представляете, какое счастье? Землю отобрали, скот отобрали, из дома выгнали, одежду самую лучшую отобрали. И это называется – счастливые?

– А вот когда Страшный Суд будет – это вам зачтется. Вы будете оправданы – не за то, что вы богатые, а за то, что вас сослали за Христа, что вы за веру страдали, терпеливо терпели.

Даже адреса назвала, кого куда сошлют, сказала, что всего там много будет – полно дичи, рыбы, ягод, грибов. Лес и поля свободные.

Действительно, монахиня Надежда оказалась права. Так и случилось. В тайге, куда нас сослали, девать некуда было рыбы, ягод, грибов, кедровых орехов.

Сначала, правда, очень тяжко пришлось. Люди в дороге сильно пострадали – больше чем полмесяца добирались до глухих лесов Томской области, куда нас определили жить. Вышли все продукты. Да к тому ж все у нас отобрали – не было ни мыла, ни соли, ни гвоздей, ни топора, ни лопаты, ни пилы. Ничего не было. Даже спичек не было – все выжгли в дороге.

Привезли нас в глухую тайгу, милиционеры показывают на нее:

– Вот ваша деревня!

Какой тут вой поднялся! Все женщины и дети закричали в голос:

– А-а-а! За что?!

– Замолчать! Враги советской власти!

И все такое. Страшно говорить. Умирать нас привезли. Одна надежда – на Бога. Да на свои руки. И дал Господь силы...

Спать легли прямо на земле. Комаров – туча. Костры горят. Утром рано лоси пришли на костры. Стоят, нюхают: что это за новоселы? Кедровые шишки лежат на земле, медведи подходят, выбирают орехи из шишек – но нас ни один медведь не тронул.

Потом огляделись: леса-то сколько, да бесплатно все! Вода чистейшая. Приободрились немного.

Ну, а затем пошла работа. Начали строить. Сделали общий барак – на пять семей. Дядя Миша Панин стал нашим опекуном, ведь я еще мал был – вот он и помогал. Там, в тайге, все работали – от мала до велика. Мужчины лес корчевали, а мы, дети (даже двухлетние), палочки бросали в костры и сучки жгли. Спичек не было – так мы днем и ночью держали костры. Зимой и летом. На сотни километров кругом – одна тайга. Среди тайги и появилась наша деревня Макарьевка. С нуля ее построили.

Мыслимо ли это, ни копейки у людей не было, никакой пенсии никто не получал, не было ни соли, ни мыла, ни инструментов – ничего. А строили. Продуктов не было – варили травы, все, в том числе и дети, питались травой. И здоровы были, не болели. Все навыки, приобретенные во время тех скорбей, очень мне пригодились позднее, когда я на фронте в блокаду попал. А я уже к тому времени прошел «курс выживания»...

Это была явная милость Божия, что мы выжили, несмотря ни на что. Хотя должны были погибнуть, если рассчитывать только на человеческие силы. В других местах судьбы раскулаченных складывались намного трагичней.

В 1983 году стала известна судьба поселенцев, вывезенных на безлюдный остров на реке Оби у села Колпашево в Томской области (я жил в этом селе некоторое время после войны). Местные жители называли этот остров

Тюремный. В 30-е годы туда привозили баржи со ссыльными – верующими людьми. Сначала собирали священников:

– Выходите, берите лопаты, копайте себе времянку.

Делили всех на две группы и одну заставляли пилить лес, другую копать. Оказалось, люди не времянки – могилы себе копали! Их надо было расселять, а их там расстреливали. Рядком посадят всех – и стреляют в затылок. Потом живым велят закапывать трупы, затем и этих расстреливали и закапывали.

В 1983 году в паводок этот остров сильно размыло, обнажились ямы, в которых закопаны были страдальцы. Трупы их всплывали – чистенькие, беленькие, только одежды истлели – и застревали в бревнах и прибрежных кустарниках. Люди говорили, что место то благодатное – тела мучеников все целы остались.

«ТЕПЕРЬ Я ДОМА...»

А тем временем наш отец, сбежавший из тюрьмы, шел по тайге к месту нашей ссылки. И не знал, увидит свою семью в живых или нет.

Сам он чудом избежал смерти. Его должны были расстрелять – он знал это и готовился. Тогда много составляли ложных протоколов, показывающих, что у человека якобы было много батраков, – чтобы расстрелять его. Двоим его сокамерникам уже руки связали, повели на расстрел. Один из них, Иван Моисеев, успел сказать:

– Передайте нашим – всё кончено!

Пришла очередь и моего папки. Пришел прораб и говорит:

– Этих четверых сегодня на работу не пускать – их в расход.

Среди них был и отец. А прораб этот оказался его хорошим знакомым. Показал ему знаком – молчи, значит. Потом тайно вызвал к себе отца и помог бежать из тюрьмы.

Другой отцовский друг, дядя Макар, бегал в соседнюю деревню, чтобы узнать адрес, где мы находимся. И пошел отец пешком с Алтайского края в Томскую область. Полтора месяца шел, пешком одолел 800 километров. Без хлеба шел – боялся в деревни заходить, людей боялся. Питался сырыми грибами и ягодами. Спал все время под открытым небом – благо лето было.

Нашел он нас в августе 1930 года. Сапоги изношенные, худой-прехудой, обросший, горбатый, грязный – совершенно неузнаваемый человек, старик стариком! Мы, дети, в это время в костер таскали все, что только могли поднять. Тоже грязные – мыла-то нет. «Старик» этот закричал громко:

– Где тут барнаульские?

Ему показывают:

– Вот эта улица Томская, а вон та – Барнаульская.

Он пошел по Барнаульской «улице». Видит – мамка моя сидит, вшей на детской одежонке бьёт. Узнал её – перекрестился, заплакал и упал на землю! Затрясся от волнения и закричал:

– Вот теперь я дома! Вот теперь я дома!

Она от него отскочила – не узнала его совершенно. Он поднял голову, а в глазах – слезы:

– Катя! Ты меня не узнала?! А ведь это я!

Только по голосу она признала мужа, нас зовет:

– Дети, идите скорей! Отец пришёл!!!

Я быстро подбежал. Папка меня за руку поймал, а я вырываюсь, плачу. Испугался: что за старик оборванный меня сыночком называет. А он держит меня:

– Сынок! Да я же твой папка! – да как заплачет снова – обидно ему, что я не узнал его.

Потом другие детки подошли: 5-летний братишка Василий, 3-летняя сестричка Клавдия. Отец снимает с себя самодельный рюкзачок – холщовый мешок, вытаскивает грязненькое полотенце, в него была завернута зимняя шапка, а в ней – заветный мешочек. Развязал его отец и

дает нам по сухарику. А сухарики такие круглые, маленькие, как куриный желток, — для нас хранил, хотя сам полтора месяца голодал. Дает нам по сухарику и плачет:

– Больше нечего дать вам, детки!

А у нас самих только вареная трава — нечего нам больше покушать. А отец так ослаб, что не может на ногах стоять. Мужики, которые барак строили, услыхали, подскочили:

– Яков Федорович! Это ты?!

– Я...

Пообнимали его, поплакали. Но покормить нечем — у всех только трава. Красный кипрей. Мамка поставила отцу миску травы и его сухари ему же отдает:

– Ты сам покушай, мы-то привыкли травой питаться...

Отец наелся травы. Дядя Миша Панин дал ему поллитровую кружку киселя. Он пил-пил, потом повалился на землю. Посмотрели — живой. Накрыли каким-то тряпьем. Всю ночь спал отец — не шелохнулся.

На другой день он проснулся — солнце уж высоко стояло. Опять заплакал. Начал молиться:

– Слава Богу! Вот теперь я дома!

Снова накормили его травой — тем, что было.

– Давайте топор! — поплевал на руки и пошёл работать.

Он же мастер. Все сделать мог — все дома в нашей новой деревне строил, с фундамента до крыши. Быстро построили барак. Только глухой ночью бросали работы — керосину-то не было. А отец и ночами работал — за неделю дом себе срубил, не спал нисколько. Представьте только: за неделю дом срубить! Вот как они работали!..

Я смотрю на тех людей и на нынешних. О-о-ох, какие мы лодыри. Мы страшные лодыри по сравнению с нашими отцами. Как же они работали! Да и мы, мальчики, даже малыши, едва ходить научившиеся, — уже будь здоров как вкалывали! Мне было семь с половиной лет, а я уж топором работал — папаша в соседних деревнях топор нашел. А корчевали как? Обрубим корни вокруг дерева,

ждем, когда ветер его повалит. Тогда обрубаем сучки – на дрова, в костер, пеньки – в кучу, а само дерево – на строительство.

«НА БОЖЬЮ ВОЛЮ!..»

Стала расти наша Макарьевка. Отец стал прорабом по строительству. Его все уважали, даже комендант – он ведь такой трудяга. Он сам был и архитектором, и плотником. Он здесь, в Макарьевке, все построил: и дома, и магазин, и школу – десятилетнюю, с жильем для учителей. За одно лето построили эту школу на месте глухой тайги.

У отца еще в Алтайском крае, перед арестом, отобрали мельницу, которую они со свояком держали на речке Барнаулке. В Макарьевке он тоже построил водяную мельницу – без единого подшипника, сделал деревянный вал, березовые шестеренки. Все удивлялись такому мастерству. Какая это была подмога для ссыльных! С трех поселков приезжали люди на ту мельницу.

А мы уже и хлеб сеяли. Картошки, правда, долго не было. Но мы ходили в другие деревни: добудем ведро-два, разрежем картофелину на кусочки, лишь бы глазок был – и сажаем по такому кусочку в лунку. Земля-то была новая, плодородная, да еще пеплом от костров ее посыпали. Картошка выросла чистейшая, крупнейшая – от радости плакали люди!

Мамка моя догадалась, когда нас ссылали, семян захватить в мешок. Эти семена и обеспечили нас. Ну и других мы тоже выручали: каждому по ложечке, по две – морковки, свеклы, огурцов. Мак сеяли – целый куль намолачивали макового зерна. Никто тогда и не слышал о наркомании, никто не воровал.

Потом отец купил лошадку – жеребую кобылицу. Сам сделал телегу – вплоть до колес, хомута, сбруи. Сани сделал. Коноплю сеяли. Лен мяли. Веревки сучили – все делали сами.

Через некоторое время отец устроился в сельпо в соседнем поселке, стал заготовителем – принимал пушнину, орехи, грибы, рыбу, дичь. И сам добывал пушнину – без ружья, без капкана, без палки, без петли. Как можно так добывать, а? Удивляешься сейчас. А он ямки копал и в них ловил дичь. Попадались и глухари с рябчиками, и зайцы, и белки, и лисицы – всего Господь нам посылал для жизни.

Наготовят пушнины, сдадут – тогда их отоваривали нужным для жизни. В магазин наш, где к тому времени отец работал продавцом, всё привозили, но только под пушнину. Появились у нас спички и мыло, сапоги и брюки, мука и махорка, да и другие товары. Но в магазине нашем... дверей не было! Все свободно лежало. И даже сторожа не было. И никто ничего не брал! Отец сначала тревожился – ну как же, без дверей, вдруг что пропадет? Потом решил:

– А-а-а-а! На Божью волю!

Только перекрестит – и все... Утром придет (память у него хорошая была), пересчитает товар – все цело. Как-то один мужик пришел:

– Дядь Яш! Я у тебя вчера пачку папирос взял. На двадцать копеек. Пришел – а тебя не было. Увидел папиросы – взял пачку. Держи деньги!

Вот такой был магазин – всем на удивление. Великий пример порядочности. Какие были люди, а? Действительно, какие-то особенные. Труженики. Честные. И их называли: враги советской власти!

НАКАЗАНИЕ БОЖИЕ

В Макарьевке я учился в той школе, которую построил своими руками мой отец. Когда я заканчивал третий класс, мы с ребятами разговорились о Пасхе, о Боге. Учительница услышала – и ну «прорабатывать» нас на следующем уроке:

– Ребята, я слышала, вы разговор вели о Боге. Так вот – никакого Бога нет, никакой Пасхи нет! – и для крепчайшего удостоверения своих слов кулаком по столу стукнула изо всех сил – как могла. Все мы пригнули головы.

Прозвенел звонок на следующий урок – идет наша учительница. Но от двери до учительского стола она не дошла – ее начало сводить судорогой. Я никогда не видел, чтобы таким образом могло корежить человека: извивалась так, что суставы трещали, кричала что есть сил. Трое учителей унесли ее на руках, чтобы увезти в больницу.

Дома я рассказал мамочке о том, что случилось. Помолчала она, потом сказала тихо:

– Видишь, Господь наказал ее на ваших глазах за богохульство.

СНОВА – В КОЛХОЗ?

Несмотря на всякие искушения, с Божией помощью постепенно налаживалась жизнь в Макарьевке. Свободно себя всем обеспечивали, все оборудовали для жизни.

На четвертый год органы начали говорить о колхозе – показалось им, видно, что мы слишком хорошо живем. Стали напирать на жителей: дескать, хватило вам трех лет на обустройство, вон – у вас уже и дома есть, и куры, и поросята, и даже коровки у некоторых.

У нас была одна лошадь с жеребенком. Как-то, когда отец был на работе, пришли трое мужчин, никого не спросясь, надели на нашу лошадь узду и уже хомут стали налаживать. Мать увидела, ахнула:

– Иван Васильич! Что это значит? Вы куда хотите лошадь увести?

– В колхоз, Романовна, в колхоз.

– Как – в колхоз?

– Да вот решили в колхоз вашу лошадку взять.

Ну, она подумала сначала – временно, поработать. А они забирали ее насовсем.

– А вы-то сами в колхоз будете входить? – приступили к матери.

– Не знаю, – говорит она, – отец наш уже работает – в сельпо.

– Нет, это не то! – отвечают. – Все равно вам в колхоз надо!

Как упала мать на кровать – и в рев! Я из школы пришел, а она рыдает-заливается:

– Опять отобрали! И здесь все отобрали! О, Господи Боже мой!

А куда денешься? Отец для нас дом большой построил – восемь на девять метров. Так в нашем доме контору колхозную организовали. И колхоз назвали – словно в насмешку – «За освоение Севера».

«ГДЕ ВАШ ОТЕЦ?!»

Наступил тридцать седьмой год. 3 марта. Три часа ночи. Вдруг в ночи – стук. А папки в это время дома не было – он пошел в тайгу пушнину добывать вместе с шестью охотниками. Там, в тайге, и ночевал...

Стук все сильнее. Мать встревожилась:

– Кто там?

– Теть Кать. Это я, Николай Мазинский. Староста.

Она открывает дверь – а сзади старосты комендант маячит. Кравченко. Высоченного роста, вот такие руки, вот такие плечи! Заходит молча и все кругом осматривает. Мы проснулись, а он как рявкнет громким голосом:

– А где хозяин? Где ваш отец?!

– Он в тайге, – говорит мамка.

– Что значит – в тайге? Сбежал, что ли?! – еще громче крикнул комендант.

– Да нет. Он в тайгу на охоту ходит, и сейчас пошел за пушниной с охотниками.

А на стенке у нас пушнина висит. Николай Мазинский показывает на нее коменданту:

— Вот посмотрите, пушнины сколько!

— О-о-о, действительно, охотник! Молодец! Молодец! Ну ладно, счастливый он, пусть ловит лисиц. Пушнина государству нужна. Счастливый. Закрывайся, хозяйка...

Мы на кровати лежим — ни живы ни мертвы.

— А там кто?

— Там дети.

Подошел. Поднял одеяло:

— Да, в самом деле — дети.

— Закрывайся, хозяйка! Счастливый твой мужик — скажи ему!

Три раза повторил, что отец у нас счастливый, и ушел. Мамка только закрыла дверь на крючок, слышит — на улице рёв. Да так много голосов плачут! Дети кричат, женщины голосят. Даже сквозь зимние рамы слышно. Мать шубенку на голову накинула — на улицу выбежала. Возвращается сама не своя:

— Ох! У нас соседей забрали!

А утром узнали, что на нашей Барнаульской улице одиннадцать мужиков арестовали. Папка двенадцатым должен был быть. Чудом он избежал в ту ночь ареста. Потому что в тайгу ушел за зверем — план сдачи пушнины выполнять. Потому и повторил трижды комендант: *«Счастливый твой хозяин!»* Вот такое «счастье» было. Этого не опишешь словами. А мужиков соседских сослали — никто и не знает куда... Страшно это — люди работали не покладая рук. У всех, как и у моего отца, руки были огрубевшие от работы — топор, лопату из рук не выпускали. А дали разнарядку на арест — и трудяг-мужиков превратили во «врагов народа». Тем, кто этого не испытал, даже представить трудно, как в нашей России происходило это ужасное.

Забирали в тюрьмы, ссылали и тех, кто только заикнется о Боге. Врагами советской власти называли всех таких — и маленьких, и больших. Родителей расстреляли, а детей — в детдом в Колывани, устроенный в двухэтажном доме, отобранном у священника. А в классах на досках было написано: *«Да здравствует счастливое детство!»* Но

детдомовские парни уже взрослыми были, не побоялись спросить:

– Какое это – «счастливое детство»? Папочку и мамочку расстреляли, а нам «счастливое детство» написали?

– Замолчать! Ваши родители – враги советской власти. Вы недовольны? Мы вас учим, одеваем, а вы еще недовольны? Замолчать!

Но все-таки в этих детях сохранилась вера. Потом, когда они выросли, когда началась война, этих парней взяли на фронт, так же защищать Родину – как и тех, которые не страдали. Всех послали на передовую. Люди верующие знают, как нужна Родина, нужна правда, нужна любовь. И они, не щадя не только здоровья, но даже жизни не щадя, защищали Родину.

Травяной хлеб

Меня тоже направили в военную школу в Омск, когда началась Великая Отечественная война. Потом – под Ленинград, определили в артиллерию, сначала наводчиком, затем командиром артиллерийского расчета.

Условия на фронте, известно, были тяжелые: ни света, ни воды, ни топлива, ни продуктов питания, ни соли, ни мыла. Правда, много было вшей, и гноя, и грязи, и голода. Зато на войне самая горячая молитва – она прямо к небу летит: *«Господи, спаси!»*

Слава Богу – жив остался, только три раза ранило тяжело. Когда я лежал на операционном столе в ленинградском госпитале, оборудованном в школе, только на Бога надеялся – так худо мне было. Крестцовое стяжение перебито, главная артерия перебита, сухожилие на правой ноге перебито – нога, как тряпка, вся синяя, страшная. Я лежу на столе голый, как цыпленок, на мне – один крестик, молчу, только крещусь, а хирург – старый профессор Николай Николаевич Борисов, весь седой, наклонился ко мне и шепчет на ухо:

– Сынок, молись, проси Господа о помощи – я сейчас буду тебе осколочек вытаскивать.

Вытащил два осколка, а третий не смог вытащить (так он у меня в позвоночнике до сих пор и сидит – чугунина в сантиметр величиной). Наутро после операции подошел он ко мне и спрашивает:

– Ну как ты, сынок?

Несколько раз подходил – раны осмотрит, пульс проверит, хотя у него столько забот было, что и представить трудно. Случалось, на восьми операционных столах раненые ждали. Вот так он полюбил меня. Потом солдатики спрашивали:

– Он тебе что – родня?

– А как же, конечно, родня, – отвечаю.

Поразительно – но за месяц с небольшим зажили мои раны, и я снова возвратился в свою батарею. Может, потому, что молодые тогда были...

Опыт терпения скорбей в ссылке, выживания в самых невыносимых условиях пригодился мне в блокадные годы под Ленинградом и в Сестрорецке, на Ладожском побережье. Приходилось траншеи копать – для пушек, для снарядов, блиндажи в пять накатов – из бревен, камней... Только устроим блиндаж, траншеи приготовим – а уж на новое место бежать надо. А где сил для работы взять? Ведь блокада! Есть нечего.

Нынче и не представляет никто, что такое блокада. Это все условия для смерти, только для смерти, а для жизни ничего нет – ни продуктов питания, ни одежды – ничего.

Так мы травой питались – хлеб делали из травы. По ночам косили траву, сушили ее (как для скота). Нашли какую-то мельницу, привозили туда траву в мешках, мололи – вот и получалась травяная мука. Из этой муки пекли хлеб. Принесут булку – одну на семь-восемь солдат.

– Ну, кто будет разрезать? Иван? Давай, Иван, режь!

Ну и суп нам давали – из сушеной картошки и сушеной свеколки, это первое. А на второе – не поймешь, что

там: какая-то заварка на травах. Ну, коровы едят, овечки едят, лошади едят — они же здоровые, сильные. Вот и мы питались травой, даже досыта. Такая у нас была столовая, травяная. Вы представьте: одна травяная булочка на восьмерых — в сутки. Вкусней, чем шоколадка, тот хлебушек для нас был.

ОБЕТ ДРУЗЕЙ

Много страшного пришлось повидать в войну — видел, как во время бомбежки дома летели по воздуху, как пуховые подушки. А мы молодые — нам всем жить хотелось. И вот мы, шестеро друзей из артиллерийского расчета (все крещеные, у всех крестики на груди), решили: давайте, ребятки, будем жить с Богом. Все из разных областей: я из Сибири, Михаил Михеев — из Минска, Леонтий Львов — с Украины, из города Львова, Михаил Королев и Константин Востриков — из Петрограда, Кузьма Першин — из Мордовии. Все мы договорились, чтобы во всю войну никакого хульного слова не произносить, никакой раздражительности не проявлять, никакой обиды друг другу не причинять.

Где бы мы ни были — всегда молились. Бежим к пушке, крестимся:

— Господи, помоги! Господи, помилуй! — кричали как могли.

А вокруг снаряды летят, и самолеты прямо над нами летят — истребители немецкие. Только слышим: вжжж! — не успели стрельнуть, он и пролетел. Слава Богу — Господь помиловал.

Я не боялся крестик носить, думаю: буду защищать Родину с крестом, и даже если будут меня судить за то, что я богомолец, — пусть кто мне укор сделает, что я обидел кого или кому плохо сделал...

Никто из нас никогда не лукавил. Мы так любили каждого. Заболеет кто маленько, простынет или еще что —

и друзья отдают ему свою долю спирта, 50 граммов, которую давали на случай, если мороз ниже двадцати восьми градусов. И тем, кто послабее, тоже спирт отдавали – чтобы они пропарились хорошенько. Чаще всего отдавали Лёньке Колоскову (которого позднее в наш расчет прислали) – он слабенький был.

– Лёнька, пей!

– Ох, спасибо, ребята! – оживает он.

И ведь никто из нас не стал пьяницей после войны...

«Господь подсказал: убери солдат...»

Икон у нас не было, но у каждого, как я уже сказал, под рубашкой крестик. И у каждого горячая молитва и слезы. И Господь нас спасал в самых страшных ситуациях. Дважды мне было предсказано, как бы прозвучало в груди: сейчас вот сюда прилетит снаряд, убери солдат, уходи.

Так было, когда в 1943 году нас перевели в Сестрорецк, в аккурат на Светлой седмице. Друг другу шепотом *«Христос воскресе!»* сказали – и начали копать окопы. И мне как бы голос слышится: *«Убирай солдат, отбегайте в дом, сейчас сюда снаряд прилетит»*. Я кричу что есть силы, как сумасшедший, дергаю дядю Костю Вострикова (ему лет сорок, а нам по двадцать было).

– Что ты меня дергаешь? – кричит он.

– Быстро беги отсюда! – говорю. – Сейчас сюда снаряд прилетит...

И мы всем нарядом убежали в дом. Точно, минуты не прошло, как снаряд прилетел, и на том месте, где мы только что были, уже воронка... Потом солдатики приходили ко мне и со слезами благодарили. А благодарить надо не меня – а Господа славить за такие добрые дела. Ведь если бы не эти «подсказки» – и я, и мои друзья давно бы уже были в земле. Мы тогда поняли, что Господь за нас заступается.

Сколько раз так спасал Господь от верной гибели! Мы утопали в воде. Горели от бомбы. Два раза машина нас придавливала. Едешь – зима, темная ночь, надо переезжать с выключенными фарами через озеро. А тут снаряд летит! Перевернулись мы. Пушка набок, машина набок, все мы под машиной – не можем вылезти. Но ни один снаряд не разорвался.

А когда приехали в Восточную Пруссию, какая же тут страшная была бойня! Сплошной огонь. Летело всё – ящики, люди! Вокруг рвутся бомбы. Я упал и вижу: самолет пикирует и бомба летит – прямо на меня. Я только успел перекреститься:

– Папа, мама! Простите меня! Господи, прости меня!

Знаю, что сейчас буду, как фарш. Не просто труп, а фарш!.. А бомба разорвалась впереди пушки. Я – живой. Мне только камнем по правой ноге как дало – думал: все, ноги больше нет. Глянул – нет, нога целая. А рядом лежит огромный камень.

Но все же среди всех этих бед жив остался. Только осколок до сих пор в позвоночнике.

«ТАКОЙ РАДОСТИ В МОЕЙ ЖИЗНИ БОЛЬШЕ НЕ БЫЛО»

Победу мы встретили в Восточной Пруссии, в городе Гумбиннен невдалеке от Кенигсберга. Как раз ночевали в большом доме – первый раз в доме за всю войну! Печи натопили. Все легли: тепло, уютно. А потом кто-то взял и закрыл трубу. Ладно, я у самой двери лег – запоздал, так как часовых к пушке ставил. Смотрю: кого-то тащат, дверь открыли. Угорели все, а мне ничего. Но, слава Богу, все живы.

Ну а когда Победу объявили – тут мы от радости поплакали. Вот тут мы радовались! Этой радости не забудешь никогда! Такой радости в моей жизни никогда больше не было.

Мы встали на колени, молились. Как мы молились, как Бога благодарили! Обнялись, слёзы текут ручьем. Глянули друг на дружку:

– Лёнька! Мы живые!

– Мишка! Мы живые! Ой!

И снова плачем от счастья. Потом пошли на речку отдохнуть – там в логу речушка небольшая была, Писса. Нашли там стог сена, развалились на нем, греемся под солнцем. Купаться было холодно, но мы все равно в воду полезли – фронтовую грязь хоть как-нибудь смыть. Мыла не было – так мы ножами соскабливали с себя грязь вместе с насекомыми...

А потом давай письма родным писать – солдатские треугольники, всего несколько слов: мама, я здоров! И папке написал. Он тогда работал в Новосибирске, в войсках НКВД, прорабом по строительству – в войну его мобилизовали. Он жилые дома строил. И он отдал Родине все, несмотря на то, что считался «врагом советской власти».

И сейчас, когда другой враг угрожает Родине – враг, пытающийся растоптать ее душу, – разве мы не обязаны защищать Россию, не щадя жизни?..

«РУССКАЯ МАДОННА»

Об этом потрясающем случае помнят все в Жировицах, где в Успенском монастыре в Белоруссии служит мой сын Петр.

Когда в Великую Отечественную войну немцы стояли в монастыре, в одном из храмов держали оружие, взрывчатку, автоматы, пулеметы. Заведующий этим складом был поражен, когда увидел, как появилась Женщина, одетая как монахиня, и сказала по-немецки:

– Уходите отсюда, иначе вам будет плохо...

Он хотел Ее схватить – ничего не получилось. Она в церковь зашла – и он зашел за Ней. Поразился, что Ее нет

нигде. Видел, слышал, что зашла в храм, – а нет Ее. Не по себе ему стало, перепугался даже. Доложил своему командиру, а тот говорит:

– Это партизаны, они такие ловкие! Если еще раз появится – взять!

Дал ему двоих солдат. Они ждали-ждали, и увидели, как Она вышла снова, опять те же слова говорит заведующему воинским складом:

– Уходите отсюда, иначе вам будет плохо...

И уходит обратно в церковь. Немцы хотели Ее взять – но не смогли даже сдвинуться с места, будто примагниченные. Когда Она скрылась за дверями храма – они бросились за Ней, но снова не нашли. Завскладом опять доложил своему командиру, тот еще двоих солдат дал и сказал:

– Если появится, то стрелять по ногам, только не убивать – мы Ее допросим.

Ловкачи такие! И когда они в третий раз встретили Ее, то начали стрелять по ногам. Пули бьют по ногам, по мантии, а Она как шла, так и идет, и крови нигде не видно ни капли. Человек бы не выдержал таких автоматных очередей – сразу бы свалился. Тогда они оробели. Доложили командиру, а тот говорит:

– Русская Мадонна...

Так они называли Царицу Небесную. Поняли, Кто велел им покинуть оскверненный храм в Ее монастыре. Пришлось немцам убирать из храма склад с оружием.

Матерь Божия защитила своим предстательством Успенский монастырь и от бомбежки. Когда наши самолеты бросали бомбы на немецкие части, расположившиеся в монастыре, бомбы падали, но ни одна не взорвалась на территории. И потом, когда прогнали фашистов и в монастыре расположились русские солдаты, немецкий летчик, дважды бомбивший эту территорию, видел, что бомбы упали точно, взорвались же везде – кроме монастырской территории. Когда война кончилась, этот летчик приезжал

в монастырь, чтобы понять, что это за территория такая, что за место, которое он дважды бомбил – и ни разу бомба не взорвалась. А место это благодатное. Оно намоленное, вот Господь и не допустил, чтоб был разрушен остров веры.

А если бы мы все верующие были – вся наша матушка Россия, Украина и Белоруссия – то никакая бы бомба нас не взяла, никакая! И «бомбы» с духовной заразой тоже бы вреда не причинили.

ДОКУМЕНТЫ ВЕРЫ

УРОКИ ОТЦА ПИМЕНА

Незабываемой стала встреча с иеромонахом Пименом, который служил в г. Алейске Алтайского края после долгих лет ссылки на Колыму.

Услышал я о нем в декабре 1965 года от женщины, которую встретил в Барнауле, в доме у Клавдии Устюжаниной, к которой я приезжал узнать о случившемся с ней чуде исцеления. Женщина та была знакомой Клавдии, запросто пришла к ней и, перекрестившись, сразу поделилась радостью:

– Клавочка! У какого батюшки я побывала! Он мне два таких греха облегчил...

Спросил я у нее адрес этого священника, да прямо и поехал к о. Пимену в Алейск. Я сам тогда еще не был священником – пел в церковном хоре в селе Тогур.

На станции в справочной еще спросил, когда пойдет поезд на Барнаул. Оказалось, через три часа. Ну, думаю, слава Богу, времени хватит. Пришел к нему на квартиру. Выходит келейница батюшки, Мария Яковлевна, старушка-монашка.

– Батюшка, гость к нам приехал...

– Знаю, матушка, знаю, – отвечает он.

Смотрю – идет худенький священник, лет пятидесяти, бородка наполовину седая. Подходит ко мне, снимает пальто, берет меня под локоток:

– Пойдем. Будем водосвятный молебен служить. Сейчас мать приедет, у нее сын Анатолий как пришел из армии, так два месяца в больнице пролежал. Но не помогла ему больница ничем. Святой водички ему надо.

А сам готовит все для молебна: ставит на стол водосвятную чашу, кладет требник, кропило, свечи, надевает епитрахиль и крест – стоит, ждет. Ну, я думал – они уже договоренные с той женщиной, которую мы ждали. Наконец, она приходит.

– Батюшка! Можно вас попросить...

– Ну, давай, давай, мать, раздевайся, бидон давай сюда...

Вода уже налита, все приготовлено.

– Благословен Бог наш...– начал батюшка. Я помогал ему петь.

Сотворили водосвятный молебен. Отец Пимен сам попил святой водички, мне дал, пришедшей к нему женщине в бидон вылил воду.

– Батюшка! Когда еще приходить?

– Никогда! Сын твой духовно больной, но сейчас ему уже получше. Пусть по ложечке или по полстаканчика святой водички пьет натощак, молитвы читает – вот и поправится. Будет работать, хорошая работа у него будет, он у тебя молодец.

– Да, он хороший сынок... Батюшка, спаси Господи! – кланяется ему женщина...

Пошел отец Пимен в свою комнатку требник класть. Маленькая такая комнатка – спальная, он в ней и молился по ночам. Как келейка она у него была.

Я же – за той женщиной. Спрашиваю:

– Вы уже были сегодня у батюшки?

– Нет. Никогда прежде не была! В первый раз пришла.

Я сразу понял: правду говорили мне, что он прозорливец, иеромонах Пимен. Только скорей, скорей отхожу от той женщины. Думаю: сейчас батюшка меня увидит, неудобно будет, что такой я любопытный. Тут батюшка идет, сразу ко мне:

– Ну вот, теперь будешь знать...

Я покраснел до пяток. Как он узнал, что я полюбопытствовал у этой женщины?..

– Ну, ничего, пойдем...

В горницу зашли, где совершали молебен.

– Батюшка, обед готов, – говорит матушка Мария Яковлевна.

– Приглашайте гостя!

Помолились мы, сели за стол. Я хоть и не хотел есть (не так давно обедал), хлебнул супа – и так он мне понравился. Вкусный-превкусный! Начал есть быстро, по-солдатски, а сам думаю: *«Какой вкусный суп!»*

А батюшка мне и говорит на ухо:

– Да вот потому и вкусный, что матушка Мария Яковлевна готовит. Она – монашка, все монашеские правила вычитывает. И все с молитвою делает – зажигает огонек лампадки, от лампадки печку зажигает, печка-то своя, дровами топят. Вот она чистит картошечку – *«Господи, благослови!»* Все крестит. Крупы сыплет ли, капусту ли кладет, морковочку, свеклу, водичку льет, – все крестит, все с молитвочкой. Она без молитвы не живет. Вот поэтому и вкусный суп.

Я только на него посмотрел и думаю: *«Как он жил, что мои мысли знает?»* Он мне сразу отвечает:

– А вот сейчас покушаем – я и расскажу, как я жил.

Ох ты, Господи! Опять я попался! Я тогда понял, что он вправду прозорливый. Видит меня насквозь. Мысли знает. Это какую духовную силу надо! Я тогда прошу мысленно: *«Господи! Дай мне хорошие мысли»* – а сам ложкой работаю. Он мне прямо тут же и говорит:

– Вот-вот! Проси Господа, чтобы Он даровал тебе хорошие мысли.

Боже мой! Я испугался. Мне неудобно уже смотреть на батюшку. Пододвигаю второе – гречневая каша была – уписываю кашу, и уже не смотрю, а только думаю: *«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!»* И слышу над ухом:

– Вот-вот, всегда Иисусову молитву читай. Монахи не разговаривают ни о чем – только Иисусову молитву читают.

Так и ты. И враг уже не влезет в душу, потому что там Бог работает Духом Своим.

Боже мой! Я уже не могу. Чувствую – так покраснел, что даже нос у меня красный. Только торопливо читаю Иисусову молитву: *«Господи, Иисусе Христе...»* А каша – я не знаю, как она у меня пролетела. И чай тоже. Все скушал. А батюшка еще кушает. Я по-солдатски, а он по-граждански... Сижу, боюсь шелохнуться. Наконец, закончили трапезу, поблагодарили Господа. Я иконам поклонился, хозяевам:

– Спаси Господи, дай Бог здоровья!

– Ну, пойдем в горницу, – говорит мне батюшка, – будем беседовать.

И пошел впереди меня, а я за ним. Когда зашли, увидел я у него на стене часы. Только глянул на них и подумал: *«Сколько времени у меня осталось до отхода поезда?»* – как отец Пимен, не оглядываясь, говорит мне:

– Два часа до отхода. Мы успеем. Нам хватит времени поговорить.

Я остолбенел. Не могу двинуться с места. То хоть рядом сидел, а то затылком ко мне – и мысли мои узнал!

– Что ты не садишься? Садись!

А я не могу садиться. Мне стыдно – вот истинно говорю. Думаю: *«Что я буду сидеть? Я такой грешник»*. А он:

– Ну, что ты испугался-то? Кого ты испугался? Я же тебе не враг. А что испугался – так это тебе полезно. Будешь чтить Бога.

Я сажусь и боюсь: вдруг мысли какие нехорошие могут быть, непрошено.

– Садись, ничего... Не бойся. Искушений не будет со мной.

И начал он рассказывать, как прожил свою жизнь.

РАССКАЗ ОТЦА ПИМЕНА

«Ну, слушай. В миру звали меня Мишей. В детстве служил пономарем, службу отлично знал – читал, пел. Шло время. Я подрос, уже парнем стал. В армию меня не брали, потому что я слабый, комиссию не прошел. Мои друзья все поженились, у них уже дети, да по двое. А я еще один. У меня подруги не было. Мне и говорят:

– Миш, ну что ж ты? Вон, Мария-то Панова – смотри, девица какая! Женись, хорошая у вас семья будет. Детки хорошие будут.

Я знал Марию прекрасно. Хорошая девушка. Проводил ее раз до дома, потом другой раз – только как друга проводил, не коснулся даже ее никак...

А потом вернулся в храм, зашел в алтарь – сто поклонов земных сделал, так что даже рубашка взмокла... Пришел домой, со скотиной убрался, поужинал и лег спать. Утром встаю – слабость какую-то ощущаю. День, неделя – не могу кушать, аппетит потерялся. Две недели, три недели проходит – ничего не могу есть. Водички попью – и все. А ничего не болит. Усталость какая-то – и все. Мама переживает: что с сыном?.. Пока еще крепость была, ходил, управлялся с делами. А потом уже и ходить не могу. Тогда мамка пригласила священника – поисповедовал он меня, причастил, месяц спустя пришел еще раз – пособоровал. На прощание батюшка сказал мамочке:

– На все Божья воля.

Э-э-э... Тогда мама поняла. Уж раз батюшка так сказал: на все Божья воля – значит, дело худо. Мать вернулась – бух на колени. Поклоны, слезы. Папка пришел, рядом встал и плачет:

– Господи, один сынок – Миша, да такой милый, да такой хороший.

Не может слез сдержать. Давай с матерью вместе молиться. А я лежу в лёжку. До того истощал, что понял – мне уже не жениться. Какой я жених – сам себя не таскаю. И понял я, что нет мне благословения на женитьбу.

— Господи, оставь меня живым, — прошу, — маму жалко, как она плачет... Если я умру — не знаю, останется ли мамочка в живых.

Папочка с мамочкой поплакали, а все-таки надо и со скотиной управляться... Вернулись, покушали, помолились, спать легли. Тут я мамочке говорю:

— Мам, дай пить.

Ох, как она обрадовалась, что Миша попросил хоть попить! Поняла, что аппетит возвращается. А то ведь и пить не просил — насильно приходилось поить.

После этого я помаленьку стал кушать и поправляться. Потом папе и говорю:

— Пап, запрягай лошадку, вези меня в церковь.

Папа меня под руку, мать под вторую — из саней вытаскивают, в церковь ведут. А люди смотрят, шепчутся:

— Миша приехал... Миша приехал! Слава Богу!

Рады люди. А Мария стоит, нос повесила — не знает, куда определить себя. И Мария осталась одна, и я один. Вот так. Вот такая судьба...

Потом, когда уже стал я снова служить, батюшка спросил меня:

— Ну что, Миша, жениться будешь или как?

— Нет, какое там! Какой я жених...

Стал пономарем в Алейске. А потом рукоположили в дьякона, через два месяца — в священника. Стал иеромонахом Пименом. Два года прослужил — увидел во сне: нашу церковь ломать будут. И показано было, кто именно из нашего села будет храм ломать. И через два года пришло это время. Те самые люди, которых я во сне видел, которых хорошо знал, церковь — на замок, меня — за бороду (а борода-то еще была — три волосинки), в вагон — и на Колыму. Ну, как везли — известно. В телячьих вагонах. В чем захватили, в том и поехали. Ни подушечки, ни ложечки, ни хлебушка. Хлебушка не дали с собой даже!

Привезли нас на Колыму — а там уже тысячи людей работают. Много накопилось “врагов советской власти”.

Мы – пополнение “врагам”. Заставили меня рыбу чистить. Там одни добывают рыбу, другие чистят, иные пилят лес, а эти бочки делают. Разговаривать запрещено было – как на работе, так и за столом. И часовой стоит ночью – чтобы не было никакого разговора. Заговорил – бунтовщик.

Кормили нас одними вареными рыбьими головками. Полный таз этих головок принесут, кружка или две кипятка, без заварки, без сахара (сахар и не спрашивай!) – вот и все пропитание. Все обовшивели, грязные-прегрязные, уставшие-преуставшие. Жили в казармах. На нары из бревен веток накидают – вот и постель. Одежды никакой не давали. В чем приехали – в том и работали, одежда наша – и постель нам, и подушка. Мыла когда дадут по кусочку, когда не дадут. Зато кипятка сколько хочешь. Ну, ладно, мы хоть этими головками наедались. Рыбу же – солили и в бочках катили на пароход. Работали только заключенные, а конвоиры были гражданские. Вооруженные. И плетки у них были. Работали мы буквально до смерти. Кто не может – расстреливали и закапывали, как собак... И вот я насмелился – сказал как-то вслух:

– Вот, нас пасут, как скотинушку, и кормят, как скотинушку.

А часовой хоть и у двери стоял (а я шестой был от края), увидел и услышал.

– Кто это говорит?!

Подошел. За руку меня поймал, руки – как клещи:

– А ну-ка, бунтовщик! Выходи!

Вытащил меня из-за скамейки. Вывел на улицу, шапку снял с меня. С крыши капель – снег и дождь. Поставил под капель. Каплет мне прямо в темечко. Я стою. Чувствую – голова совсем замерзает. А часовой мне кричит:

– Стой!

И еще раз – со злобой:

– Стой!!!

Хотел прикладом меня ударить – размахнулся. Думаю: то ли сейчас зубы вылетят, то ли глаза, то ли нос перебьет.

Но не ударил, так как я стою смирно. Думаю: что будет – то и будь... Потом голова закружилась, закачался я, упал – не помню как.

Когда очнулся – уже лежал на кровати в больнице. Голова – как будто в огне горит, и кажется огромной, как бочка. Температура страшная. Аппетит исчез. Долгое время даже слова сказать не мог – такая адская боль была. И не знал, что со мной. Потом узнал, что у меня менингит – страшная болезнь. Ко мне подходили, спрашивали:

– Ты зачем сюда приехал?

– Не знаю...

– Откуда?

А я только:

– Мама, мама! Папа, папа! Возьмите меня!

В это время на Колыму привезли пополнение, и конвоирам, когда они направлялись обратно, велели:

– Возьмите вон того мальчика, который все кричит: "мама, мама!". Увезите его, он еще молодой...

Короче, списали меня как совсем негодного к работе, как не жильца на этом свете. Отдали документы. Конвоиры доставили меня домой, в Алейск, в отцовский дом, – прямо по адресу. Перешагнули через порог – папочка дома был, мамочки не было. Как папочка увидал меня – так и упал на колени:

– Ой!!! Миша приехал!

Мамка пришла вскоре. Наплакались. А потом покормили, чем было, милиционеров. Они уехали. Оказались – добрые люди, эти милиционеры. Хорошо, говорят, что меня привезли. А я упал – не знаю, сколько и спал. А проснулся – голова болит, и болит, и болит. Стану молиться – мне легче. Сяду молиться – мне легче. Взялся читать Псалтирь. Читал, читал – и упал, не знаю, сколько я спал. Когда упал – меня не стали трогать. Так и стал читать до тех пор, пока не упаду и не засну. Очнусь – начинаю снова. Только молитва мне и помогала.

А потом соседка приносит газету:

– Батюшка, смотри-ка, приказ Сталина – надеть погоны, открыть церкви...

Это был 1943 год. Что-то изменилось в стране, если случилось такое. Прочитали, поплакали, порадовались, сели — чайку попили, молча посидели. Потом ушла соседка. Через 2 часа приезжает председатель Алейского исполкома, а с ним два дедули.

— Здравствуйте, батюшка. Вот газета вышла. Приказ Сталина — открыть церкви! Мы церковь уже освободили, зерно убрали, почистили, помыли все. Люди стоят — ждут. Приехали за вами. Как ваше здоровье? Вы сможете служить?

А я на них смотрю, молчу — не знаю, как отвечать. Какое мое здоровье? Только что сижу, только что едва хожу. Про здоровье говорить нечего. Сильно голова болит, менингит — это ужасная болезнь. Они меня второй, третий раз спрашивают:

— Батюшка, ну что вы не отвечаете? Сможете служить? Поедемте!

А я молчу — не знаю, как отвечать.

— Батюшка, вот смотрите, — снова начали они, — церкви открыли — а ведь ни одного священника нет, всех порасстреляли, только вы один остались.

Я подумал-подумал, поднимаю палец, на восток показываю и говорю:

— А туда, обратно, не увезете меня?

— Нет-нет, — говорят, — это уже все прошло! Сейчас приказ Сталина вышел.

— Ладно, давайте одежду! — сказал, наконец.

Одели меня, посадили на телегу, привезли к той самой церкви, из которой брали. Как я глянул — упал на колени, слезы потекли ручьем. Не мог своими ногами идти. Страшно вспоминать даже... На коленях полз я до алтаря, и все плакал. Люди встали на колени — и тоже плакали...

У меня дома был подрясник, крест — надел все. Заполз кое-как в алтарь, старички со мною зашли. Престол был закрыт клеенками, простынями. Раскрыли — на престоле крестик маленький лежит и Евангелие. Слава Богу — хоть

Евангелие сохранилось! Принесли свечи – зажгли. Пришел псаломщик.

– Давай, батюшка, возглас!

Поставили меня на ноги. А я не могу стоять – плачу. Слезы сдавили горло. Два старичка меня подняли – один справа, другой слева, держат под руки, помогли поднять руки. Я только сказал:

– Благословен Бог!.. – и упал. Не мог стоять на ногах. Залился слезами. Люди снова заплакали. Снова подняли меня.

– Батюшка, давай возглас!

Я тогда набрался силы, только сказал:

– Благословен Бог наш и ныне и присно и во веки веков!.. – и упал опять. Они тогда сами сказали:

– Аминь! – и пошла служба.

Просфоры постряпали – принесли, чашу принесли, кагор – все у людей нашлось. Трое суток я не выходил из церкви – трое суток молился. Не кушал, не пил, даже на улочку не ходил по естеству. Голова упадет – задремлю ненадолго, проснусь – и опять служба. Ночью и днем. Люди не хотели уходить из церкви – так наскучались по службе. Настолько были рады, настолько хотели молиться!.. Одни уходят – другие приходят:

– Батюшка, нам бы покреститься, исповедаться...

На четвертые сутки совсем без сил я вышел в церковный двор. Мне говорят:

– Батюшка, вам сторожку истопили, вычистили, вымыли. Пойдем туда!

Я упал и спал – не знаю сколько... Две недели прошло, я думаю: "Надо бы домой за бельем съездить". Двое прихожан взялись проводить меня. Лошадку привели. Я только за ворота вышел, только перекрестился – у меня голова закружилась. Упал я – и не помню, как упал. И слышу, как в душе у меня слова звучат: "Молись! Пошли человека – белье принесут. Молись!"

И я очнулся. Боже! Бог повелевает молиться! Даже упал – и то молись. Вернули меня в сторожку. Потом белье

принесли, вымылся я горячей водичкой. И — слава Богу! И стал молиться.

Вот с этого момента Господь даровал мне прозорливость. Вижу каждого человека — каков он. Мысли вижу людей. Будущее знаю каждого человека. Страшно говорить даже об этом. Никому до того не рассказывал. Тебе же, Валентин, говорю, как сыну: это не мое, это Господь даровал такую крепость силы...

Заранее открыто было мне, что Никита Сергеевич Хрущев закроет нашу церковь. Я сказал тем самым двум старичкам, которые привели меня в церковь в 1943 году :

— Завтра мы служим последнюю службу. После службы к нам придут церковь закрывать по приказу Хрущева.

Так все и случилось. Убрали мы все святыни, книги. Выходим из алтаря. Смотрим — стоят четыре человека. Два милиционера и двое из исполкома. У них уже замки свои, пломбы свои.

Я говорю моим старичкам:

— Идите со мной рядом. Сейчас к нам подойдут и назовут меня по имени-отчеству.

Двинулись эти люди к нам навстречу.

— Вот, Михаил... — называют меня по имени-отчеству, — по приказу Хрущева ваша церковь закрывается.

Я только сказал им:

— Не наша воля, а ваша воля. Пока...

Они свои два замка повесили — на обе двери, а также две пломбы.

Был у меня антиминс, и стал я совершать службу дома, по ночам, в спаленке, где помещалось человек пять. Стали помогать мне монахиня, матушка Мария Яковлевна, и несколько старушек. Все делалось втайне, на службу приходили только доверенные люди. Ну и у кого какая нужда — требы тоже исполнял помаленьку...

Приближалась Пасха, готовились совершать ночную службу. Но языки довели — милиция об этом узнала. Ну, и я, по милости Божией, знал, что в эту Пасху, в 5 часов утра, придут пять милиционеров, чтобы захватить нас — за то,

что мы совершаем службу. Служили мы, завешивая окна одеялами, чтобы свет не просвечивался, — и на улице, и у соседей, и возле дома много глаз. Службу закончили пораньше: уже в 3 часа ночи все ушли. Открыли двери, освежили комнату, чтоб в воздухе не чувствовался запах ладана. Все прибрали — чтобы признака не было, что здесь проходила служба. Я стою, молюсь, канон читаю Пасхальный. В епитрахили, с крестом. Свечи горят, сени открыты, двери открыты, калитка открыта. В пятом часу в дверь стучатся. Матушка Мария Яковлевна приглашает:

— Заходите!

Заходят пятеро милиционеров. А я приготовил в прихожей 6 стульев: 5 в ряд и один напротив. Они входят, как в фуражках пришли, так и стоят. Я знаю, что они благословения брать не будут. Подхожу — каждому ручку подаю:

— Ну, здравствуй, Иван Петрович, здравствуй, Григорий Васильевич!

Каждого называю по имени-отчеству. Один милиционер снимает фуражку и говорит:

— Я таких людей еще не видел. Не знает нас, а по имени-отчеству назвал...

А я им отвечаю:

— Садитесь, милые сынки, вы пришли меня поймать, да сами попались!

Они думают: как попались? Что это, засада какая-то? Оглядываются кругом — нет, никого нет, никакой помехи.

Тогда я и говорю им:

— Мы живем в мире, где царствует грех. А грехи такие бывают...

И начал. Рассказал одному все его грехи — “от” и “до”. Другому и третьему. Они:

— Батюшка! Так это вы про меня говорите!

И другой. И третий так же. А я то же — и четвертому, и пятому. Тогда они обомлели.

— Батюшка! Учи нас! Мы ничего не понимаем. Только не говори никому про это!

— Вы сами не скажите, — отвечаю. — Я-то не скажу. А то вы придете домой — своим супругам: то-то-то.

— Нет, нет! Не скажем никому.

— А у тебя вот супруга некрещеная, — говорю, — у тебя мать некрещеная... А ты сам некрещеный...

А они опять просят:

— Батюшка, учи нас! Покрести нас.

Прощаясь, сказали:

— Батюшка, что надо — говори! Во всем поможем.

И так они стали помогать — с большой любовью помогали. В ночное время огород копали. Посадили ночью, чтобы никто не видел, а сами нарядились так, чтобы их не узнали. Дров привезли. Колодец вычистили. Оградку отремонтировали. Картошку окучили и всю выкопали — спаси их Господи. Не давали мне ничего делать:

— Батюшка, учи нас, учи!

Все покрестились. Всех их повенчал тут, в домике. Такие стали друзья с ними!..»

Вот как бывает в жизни. Вот видите, что значит правда Божия. В душу благодать входит, потому что она нужна, потому что она истина, любовь — это не поддельная, не искусственная любовь, а истинная любовь, правда Небесная. Она входит в душу — и человек начинает понимать ее и становится из врага великим другом.

Чтобы понять это, всем нам нужен был такой молитвенник, как отец Пимен. Он ведь девственник был, женского пола ни разу не коснулся. Условия его жизни были только скорбные. Он сам был худеньким, слабеньким, даже больным, а духом — такая сила! Вот и судите — зло или благо болезнь, если телесный недуг помогал держать душу в чистоте...

Через два года после нашей встречи отец Пимен отошел ко Господу. А его уроки до сих пор у меня в памяти. Прощаясь, я поклонился и сказал ему:

— Спасибо вам большое!

А он — грозно так на меня глаза вскинул:

— Проси прощения!

— А за что? — удивился я.

— Неправильное ты слово сказал.

— А как надо?

— Спаси Бог! — громко произнес о. Пимен. — Только так. Иначе говорить — это грех. Что такое «спаси»? Это же Сам Спаситель. Кого мы просим о спасении? Бога, а не какое-то «бо». Так и надо говорить: Спаси Бог, Спаси Христос! Спаси Господь! Скажи всем...

И я тоже с тех пор все о том наговариваю. «Спасибо» — это говорить даже стыдно. Ведь Спаситель и Бог пришел всех нас спасти. А мы даже ленимся или не хотим полностью, правильно выговорить слово — Бог. Мы не думаем, какое это повреждение нашей жизни. Подумаешь, мол, буква! А, к слову, скажет преподаватель:

— Ребята, напишите «стол».

Они напишут, а последнюю букву не допишут. Получится не «стол», а — «сто»! Ох! Куда попали. Таких примеров много. Попробуй торговый работник в отчете — одну цифру пропусти. Что будет? О-хо-хо! Сердце заколотится! Давление повысится. А потом ревизия проверит — все товары целы. А что случилось? Да цифру пропустили! Вот как одна цифра действует в жизни. А тут — закон Божий написан. Закон! Божий. А мы его полностью пропускаем. И не одну букву, а все буквы. Так куда же мы попадаем?

Попав на тот свет, Клавдия Устюжанина спрашивала:

— Господи, как я буду жить, если мое тело все изрезано?

А нам понять надо, что у всех нас душа изрезана! То — тело. А то — душа. Мы все пораженные. Душа у нас у всех больная. Так сделаем ревизию в нашей душе! Видите — сколько недостатков у нас в жизни-то! В семье. В обществе. В Кремле. Если мы в земной школе в тексте требуем даже запятую точно поставить. А тут — школа Небесная. А тут — закон Божий у нас не исполняется. А если бы нас воспитывали жить по закону Божиему, всех, — то у нас бы не было ни крючка, ни замка, ни сторожа, ни тюрьмы, ни убийства, ни воровства, ни насилия, никакого хульного

слова. И никакого оружия смертоносного нам не нужно. Смотрите, нам добра сколько делать – не переделать! А мы – не можем добро сделать. Потому что мы калеки – и телесно, и духовно. А поэтому нам надо Господа Бога просить всюду и всегда о вразумлении и о молитве. А чтобы нехорошие мысли не лезли, как говорил отец Пимен, *«надо душу свою закрывать духовно Божьим законом. Не болтовней заниматься, а с Богом разговаривать»*. Благодать Его любить и ценить.

«РУЖЬЕ УМНЕЕ МЕНЯ!..»

Этот случай мне рассказал старичок Георгий, ссыльный – сосед по селу Колпашеву, где я работал после войны...

Случилось это весной 1931 года в Нарымском крае в селе Тогур. Жил здесь ссыльный священник с Украины – отец Димитрий. У него не было ни копеечки, ни крошечки хлебушка. Матушку сослали в Красноярский край, а его самого в Томскую область забрали, в Нарым. Он ходил и подаяние собирал – старенький, обросший батюшка, в пиджачке, без подрясника, в шапочке. Нашелся один человек – пожалел его:

– Дедуль, на вот тебе удочку, на вот тебе червячков, бери лодочку и поезжай на речку, порыбачь маленечко – рыбы здесь полно.

Он в лодку сел, а сам качается – вот-вот упадет. Голодный, истощенный, измученный. Смотрит – кустик недалеко, вниз по течению. Он к нему подъехал, хотел привязать лодочку и начать рыбачить. Смотрит, а там небольшая сеть стоит, а в ней рыбы полно. Веслом приподнял сеть – и чебаков (рыба такая, мелкая) себе на уху набирает в лодку. Трясется от слабости и голода, сам плачет:

– Господи, прости меня, чужую рыбку беру...

А хозяин сети – сторож сельпо – в 9 часов сменился с поста и поехал сеть снимать. Ехал в лодочке с ружьем.

Увидел, что какой-то старик из его сетки рыбку вытаскивает – поднял ружье и хотел его убить.

Я удивляюсь, как у людей хватает силы, чтобы убить человека из-за какой-то рыбы! Не вмещается в душу такое понятие... Вскинул сторож ружье, а оно не стреляет. Чак – осечка! Чак – осечка!

Он второй патрон заложил – опять осечка. Он повернул патрон – опять осечка. Что такое? Ружье никогда не осекалось. Новое, двадцатый калибр. Ствол вверх поднял – сразу же выстрелило. Этот дедушка, священник, оглянулся. А хозяин, раз ружье не берет, – давай матерками его: кто ты такой, да что ты делаешь?!

Дедуля говорит:

– Милый, сынок, я ссыльный с Украины, с Почаева. Я у тебя рыбку беру – я ведь голодный.

– Да знаю я, что ссыльный! Что ты за человек, что в тебя ружье не стреляет?

Тот говорит:

– Я был священником, а теперь, видишь, – никто.

Сторож тот, Иван, закричал, заплакал:

– Батюшка, прости меня! Я хотел тебя застрелить, а ружье оказалось умнее меня... Не выстрелило в тебя ружье.

Сетку с рыбой снял, привез батюшку домой, накормил.

– Ложись, отдыхай.

Два месяца кормил его:

– Кушай-отдыхай. Отдыхай-кушай.

Подкормил его, подкрепил, одел. А потом помог домой вернуться – дал ему денег на дорогу. Кверху по течению вез его на маленькой лодочке, обласок называется. 40 километров они вместе гребли. Посадил на пароход и отправил до Томска, а оттуда – на поезде на Украину.

А потом, уже после войны, батюшка приглашает этого Ивана – приезжай ко мне. Уж стали друзья. Вот чудо какое.

Этот случай в то время был всем известен. Георгий, который возил меня к этому Ивану, говорил:

– Сам хозяин, который хотел застрелить батюшку, рассказывает, а слезы у него текут. А как же? Ведь это Господь руководил ружьем.

Вот как Бог удерживает своих верующих людей. Так что будьте верующие. Нам сейчас дается истинная правда – вера.

ТАЙНЫЙ ПОДВИГ МОНАХА ЛЕОНТИЯ

Сколько вокруг нас угодников Божиих, о которых нам неведомо. Один Господь знает, какие молитвенники несут свой невидимый подвиг рядом с нами.

Меня Господь сподобил встретить одного из них – ссыльного монаха Леонтия. Его сослали в 1930 году в Нарымский район из Почаева. Ссыльные в тайге деревушку Татаринское построили, а он еще в 40 километрах от нее сделал себе келейку – избушку 3 на 4 метра, без окон, только с маленькой дверцей, через которую он заползал на коленках, – и молился там, как в скиту. Питался ягодами, грибами, кедровыми орехами, картошку в тайге сажал. Я еще до войны был наслышан о нем как о прозорливце. В войну он усердно молился, чтобы наша армия победила фашистов, чтобы в России наступил мир.

И еще одно тайное дело было у ссыльного монаха. В войну комбайнов не было, мужчин в селе не осталось – все на фронт ушли. И косить, и хлеб жать серпом приходилось женщинам, многодетным, больным. Бригадир распределял, кому какую полоску жать серпом. Так монах Леонтий знал, где полоска многодетной матери: придет ночью, серпом нажнет, колосья кучками сложит – остается только снопы связать. Работница утром приходит на свою полоску – удивляется:

– Это что такое? Вчера затемно я вроде все снопы перетаскала. А кучки откуда взялись? Кто ж это сделал работу за меня?

И не знал никто, кто тайком помогает женщинам. Монах Леонтий прятал свои добрые дела, не хвалился, как обычно все хвалятся. Так и работал всю войну. Молился и работал.

А храмы в те годы были закрыты. В восьми километрах от нашего Колпашева в селе Тогур был храм Воскресения Христова, освященный еще святителем Иоанном Тобольским. Когда этот храм занял колхоз, там устроили зерносклад.

В 1946 году, перед тем как храм вернули церкви, произошло удивительное событие. Тогурские жители, проходившие мимо храма, увидели сквозь окна, что в алтаре на подсвечнике горит множество свечей. Ахнули, глазам своим не поверили. Подошли к входной двери – замок. Да и кто ж в зернохранилище будет службу устраивать? Побежали за кладовщиком, который отвечал за зерно, позвали его. Он тоже посмотрел в окно – да, свечи горят. Открыли церковь, зашли внутрь – а там никого. Ни подсвечника, ни свечей. Но только вышли из церкви – опять через стекло видно: в алтаре свечи горят.

Народ со всего села собрался, все видят с улицы явное чудо, а в церкви – никого. И поняли все: не случайно это видение было – надо открывать храм. Пригласили председателя исполкома, он приходил, сам во всем убедился. Ему уже некуда было деваться: все село, как один человек, приступили к нему: открыть храм! Тогда убрали из помещения зерно, все вымыли, вычистили. Священника, правда, долго не было. Но люди приходили в храм и сами молились.

Постоянно приходил в церковь и монах Леонтий – раньше всех, хотя ему из его кельи под Татаринским надо было 50 километров идти пешком до храма. Он был уже старенький, сухой-пресухой, но Господь давал ему силы на такие подвиги. Придет в церковь первым, в уголок встанет – и молится. И про всех, кто приходит, все знает – ему Господь открывал их мысли. Я слышал рассказ об одном из таких случаев.

Одна женщина пришла в храм, перекрестилась, три поклона сделала. Стоит и думает: *«Господи, вот я пришла помолиться в церковь, а кто же поросеночка накормит, кто же курочкам даст?»* А прозорливец Леонтий знал мысли людей. Открыто ему было Господом, что эта женщина так думает. Он вдалеке от нее стоял – в уголке храма. Подошел, встал рядом, перекрестился, поклонился и говорит так, чтобы та женщина услышала:

– Господи, я вот пришел в церковь, а кто же поросеночка накормит, кто же курочкам даст?

Женщина, потрясенная, упала ему в ноги:

– Дедушка, так ты мои мысли говоришь! Это же я так подумала!

– Ты же пришла Богу молиться, – отвечает он ей, – просить прощения за свои грехи, а сама про поросенка думаешь...

Я знал этого прозорливца Леонтия. После войны я был прихожанином того же Воскресенского храма, что и он, на клиросе пел. О каждом человеке Леонтий мог сказать: и обличить его мысли, и у кого какая беда распознать, и будущее предсказать – не каждому отдельно, а рассказать, какая жизнь у нас будет. Многое из того, что я сам от него слышал, сбылось. Великий он был человек. Духом великий. Упокоился он в начале 50-х годов, похоронен в Татаринском. Жизнь его – как горящая свеча, что и в пустом, закрытом храме горела для людей силой молитвы.

КАК ВЕЛИКОМУЧЕНИК ГЕОРГИЙ ХРАМ ОТКРЫЛ

Тяжелыми были для меня первые годы дьяконства и священства. Обострились мои фронтовые болячки: обе раненых ноги разболелись, осколок в пояснице беспокоил, образовалась закупорка вен на ноге – да такая, что операцию надо было делать, большую часть вены удалять.

Во время службы я так уставал от боли, что к её концу рубаха становилась мокренькой. Начал проситься, куда бы мне уехать, чтоб хоть немного здоровье поправить. Ну, хирурги и посоветовали мне поехать в Ташкент. А там у меня знакомые были. А уж оттуда в Самарканд направили, я там служил в храме Великомученика Георгия Победоносца.

Познакомился я с Георгием, учителем по профессии, который пел в этом храме на клиросе. Он и рассказал мне поразительную историю, которая случилась в Самарканде в годы хрущевской власти во время служения архимандрита Серафима (Сатурова). Этот священник, родом из Перми, был репрессирован, 10 лет отсидел, много тяжкого повидал в жизни, старенький уже был, весь больной, еле сил хватало ходить. Своей теплотой, вниманием он немало молодых людей привлек в храм. Многие стали креститься.

Ну, кагэбэшники увидели, что молодежь пошла в храм, решили батюшке ножку подставить, найти какой-нибудь повод, чтобы закрыть храм Георгия Победоносца. А что найдешь?.. Но власти так все ловко подделали, что лишили всеми любимого батюшку службы на целых 2 года...

Как-то к отцу Серафиму в храм пришли муж и жена и стали его уговаривать:

– Батюшка, окрести нас, только не записывай, что крестил, а то нас с работы уволят!

Да, такое время тогда было: и паспортные данные нужно было записывать – где работаешь, где живешь; и родителей крестных – каждого надо было записывать. А потом все это просматривал уполномоченный... Батюшка был милостивый – согласился окрестить их без записи. А за воротами в это время стояли представители органов – они и встретили этих молодых людей:

– Ну, что, молодые, зачем приходили в церковь, что делали там?

Те поначалу молчали – не хотели отвечать.

– Ну, раз молчат, у священника спросим: почему молчат, откуда они...

– Да я не знаю – откуда, – отвечает отец Серафим.

Не хочет своих крестников выдавать — так они упрашивали не записывать их: мол, с работы выгонят и все такое... Но оказалось, что у кагэбэшников с ними специальная договоренность была. Они целую историю из этого «незаконного» крещения раздули.

— Как не знаете?! Они же крестились только что! Вы же записывали, где они работают!

— Нет, я не записывал.

— Ах, вы не записывали?! Почему?

— Да они упросили, чтобы не записывать. Я и пожалел их...

Чиновник достает бумагу, оформляет протокол, что священник окрестил людей, а в журнал не записал — значит, не подчиняется гражданскому закону. И за это ему служить запретили — только за это. Два года службы в храме не было. Так они тайно совершали службу по ночам, собирались по два-три человека — и служили...

Прошло два года, как храм закрыли. Приближался престольный праздник — Георгия Победоносца. Все прихожане сокрушались, что не будет службы в этот день... А власти уже определили: хороший детский садик здесь будет — семь квартир, помещение храма просторное, баня, пекарня, столовая, площадка большая, колодец, два дуба... Всем стало ясно, что храму скоро конец...

Но накануне 6 мая случилось нечто из ряда вон выходящее. При храме вместе с архимандритом Серафимом жили две москвички, его келейницы — монахиня Иулия (она иконы хорошо писала) и послушница Евдокия, как и батюшка, тоже ссыльные. Батюшка в это время у себя в келье к празднику готовился, каноны читал, а матушка Иулия на церковном дворе подметала. Вдруг увидели они: открываются врата церковной ограды, и въезжают двое верховых офицеров в старинных, невиданных одеждах, на белых конях. Один постарше, другой помоложе. Этот первый — такой величественный, красивый, ловкий. Спрыгивает с коня и, обращаясь к монахине по имени, отдает ей повод:

– Матушка Иулия, подержи повод лошадки, я пойду к батюшке Серафиму.

Она, вся в трепете, упала на колени:

– Ох, милый, твоя лошадка сильная – я не удержу ее! – и ручки подняла, будто сдается ему.

Тогда офицер отдал повод своему адъютанту и, ничего не спросив, пошел прямо в келью к батюшке Серафиму. Увидел его, стоящего на коленях перед иконами (а он немощный был, старенький, подушки под колени подкладывал), и повелительно говорит ему:

– Отец Серафим, готовьтесь к службе – сегодня храм будет открыт!

Батюшка прямо отпрянул: что за офицер, откуда он появился?! И слова у него такие сильные, богатырские слова. И голос красивый, мощный – чистый баритон, а слово-то – сила, все равно как приказ! И вдруг понял священник, что это был сам великомученик Георгий. В окно глянул – оба всадника ловко взлетели на коней и поехали, только искры из-под копыт! А направились они после отца Серафима прямо в исполком города Самарканда.

Великомученик Георгий оставил своего «адъютанта» у входа с лошадьми, а сам зашел в исполком, минуя милиционеров, – те только встретились с ним глазами, но ни слова ему не сказали, не спросили, к кому и откуда. Георгий Победоносец – прямо на второй этаж, мимо секретаря, которая тоже онемела. Ни у кого ничего не спрашивая, открывает дверь в кабинет председателя исполкома и, называя его по имени, говорит:

– Чтобы сегодня же храм Великомученика Георгия был открыт! Иначе будете наказаны без помилования.

Председатель исполкома был страшно напуган появлением невиданного офицера и его словами: *«Иначе будете наказаны без помилования!»* А тот поворачивается – и уходит. Хотел председатель задать ему вопрос: *«Кто вы, откуда?»* – но не смог слова выговорить, не мог в себя прийти от необыкновенный силы приказа, который от-

дал незнакомец. Глянул он в окно: а тот уже в седло садится с необыкновенной легкостью – и только искры из-под копыт!..

В страхе берет чиновник телефонную трубку, звонит уполномоченному по делам религии:

– Срочно пошлите нарочного в храм Великомученика Георгия! Чтобы сейчас же открыли храм! А распоряжение напишете после.

Некогда было даже писать – такой страх его взял!

Уполномоченный немедленно послал своего помощника. Через 15 минут он был у отца Серафима:

– Открывайте храм, служите свободно!..

На следующий день председатель исполкома приехал на машине к отцу Серафиму:

– Над вами есть какой-то начальник?

– А как же? Есть.

– Можно посмотреть на его фотографию?

Батюшка выносит ему фотографию Ташкентского епископа в клобуке.

– Нет, не тот! А еще выше есть у вас кто-нибудь? У меня вчера ваш начальник был, офицер такой – о-о-о... С такой властью приказал, чтобы срочно храм открывали, иначе, говорит, будете наказаны без помилования! Сразу видно – начальник...

У батюшки слезы потекли, он слова выговорить не смог... Только вынес старую икону великомученика Георгия – верхом на белом коне.

Председатель исполкома как глянул:

– Он!!! У меня вчера ОН был!

И тоже прослезился.

Многие были свидетелями этого удивительного, просто потрясающего события: как Георгий Победоносец храм открыл. И батюшка Серафим, и учитель Георгий, и монахиня Иулия, и милиционеры, и секретарь-машинистка. Я сам был в горисполкоме и слышал эти рассказы. И

прихожанам нашим история эта хорошо была известна. Только вот рассказ самого архимандрита Серафима, увы, услышать не довелось, немного не застал я его в живых: он преставился ко Господу за 20 дней перед тем, как мне приехать в Самарканд.

Слава Богу за все!

«ВОТ КАКАЯ РУССКАЯ ВЕРА!..»

Как-то к архимандриту Серафиму пришел узбек, привел пятнадцатилетнего сына, упал в ноги священнику:

– Батюшка русский! Помолись за сына, припадком бьет!

– А ты веришь, что Бог может помочь? – спрашивает отец Серафим.

– Верю! – отвечает отец. – Везде был: у муллы в Ташкенте, у муллы в Бухаре, в Самарканде – всех прошел. Никто не помог. Помоги ты!

– Ну, что ж, давай молиться вместе, – сказал батюшка.

Встали они втроем на колени. Прочитал отец Серафим канон и молитвы о болящем, помазал его елеем – несмотря на то, что он не крещеный, а, по мусульманскому обычаю, обрезанный. И говорит:

– В субботу и в воскресенье у меня времени не будет – народу много на службе. А в понедельник приходи – так же, после обеда.

И когда этот человек с сыном в понедельник появился у ограды храма Георгия Победоносца, то скинул у ворот обувь, встал на колени и так на коленях прополз все 36 метров – расстояние от ворот до домика батюшки Серафима! Вот урок всем нам! Кто из нас, русских, пойдет так на коленях к своему благодетелю? Я не слышал и не видал такого. А узбек от радости через весь церковный двор шел на коленях и плакал. Две технички во все глаза смотрели:

– Да это тот самый узбек, который приводил сына! Что же он так плачет?..

Приполз он к батюшке Серафиму, падает ему в ножки, благодарит и дает тысячу рублей. В шестидесятые годы это были немалые деньги.

– Я монах, – говорит отец Серафим, – мне деньги не нужны! Отнеси в любую мечеть, любому мулле отдай.

– Нет, мулла мне не помог, мечеть не помогла. На, батюшка, тебе! – и положил деньги ему на стол.

Но батюшка все равно не взял награды:

– Не надо мне, я не за деньги молился, а ради Бога – потому что ты просил...

Потом говорит:

– Ну ладно, отнеси к нашему бухгалтеру Татьяне Александровне (она была тоже москвичкой, ссыльной), она возьмет твое пожертвование на храм Георгия Победоносца.

А черный материал на подрясник, 5 метров, отец Серафим взял.

Прощаясь со священником, тот узбек пообещал:

– Пойду всем муллам расскажу – вот какая русская вера!

Чуть позже он пригласил шестерых мулл, приехали они на двух машинах посмотреть на батюшку. Удивлялись. Батюшка был маленький, старенький, сгорбленный – ведь десять лет отсидел за веру...

После этого чудесного исцеления узбеки – отец с сыном – стали в храм ходить и говорить:

– Да, ваша вера – солнце, а наша вера – маленькая луна...

«Сила Божия в немощи совершается»

Что у людей велико – у Бога бывает ничто. И верно сказано, что сила Божия в немощи совершается.

Жил на моей родине, в селе Колыванское, необычный человек Божий – Миша Дрянев. Он не просто был

немощным от рождения – он плотью был так легок, что, казалось, у него совсем нет мышц, только сухие, тоненькие косточки и прозрачная, как целлофан, кожа. Руки и ноги были у него согнутыми от рождения, совсем не выпрямлялись, ладошки сжаты в кулачки. В таком согнутом положении он и прожил всю свою короткую жизнь – 36 лет... Ел он совсем мало – все равно что котеночек: четвертая часть блина да две ложки молока – он и наелся.

Но душа у этого человека была необыкновенная. Не умел он ни читать, ни писать, даже букв не знал, только молитвы, которым его выучила мамочка. И при такой немощи он мысли людей знал, все предсказывал матери – кто, зачем к нему придет. О том, что война будет, тоже наперед знал. Все-все говорил, что у него ни спрашивали, – всю правду людям. И никто на него не обижался, за юродивого Христа ради его почитали. Священного Писания не читал, не умел, а все в нем понимал. Отца, механика, Мишa научил, как тележку лучше сделать! Сам неподвижный, сидит – подушки под спиной, не видел ни колеса, ни руля, а отца научил... Страшно становится, когда подумаешь, что Господь может сделать, – невозможное, кажется, для нас.

Я в Колыванское приезжал сразу после войны, повидать родных. И с Мишей два раза встречался. Ощущение такое было, что он меня всего насквозь видит, как рентген. Все, что ты думаешь, говорит тебе и улыбается.

Он рассказывал о себе, что – было дело – ворчал на мамочку с папочкой, зачем, мол, родили его, такого немощного. А Господь ему открыл: именно такой нужен – обличать людей. Помогать людям. Исцелять людей.

В их деревенский дом к нему ходили, как к духовному доктору. Люди приезжали даже из города. Становились на колени, задавали свои вопросы – почему в семье нету мира, отчего у них та или иная скорбь.

А Миша им прямо говорил: крестик не носите, молитв не знаете, не благодарите Бога, в праздники работаете, по-

сты не соблюдаете... Ну, и все такое... Потом советует – просто советует, бесхитростно: живите по-христиански, заповеди Божии соблюдайте – и наладится жизнь. Повенчайтесь, молитвы читайте, крестики носите, в храм ходите. Храм, он говорил, это наш духовный корабль.

Ничего особенного Миша не говорил, ничего от себя – только напоминал, что известно из Евангелия, из заповедей Божиих, из учения Церкви. Казалось бы, всё ясно, просто – да многим представлялось,что трудно так просто жить. Метались, чего-то мудреного искали. Но те, кто принял сердцем Мишины советы, – все исцелялись, жизнь у них налаживалась...

Пришли как-то две женщины, посмотрели на Мишу, ужаснулись – у него одни косточки и кожа, разговаривает тоненьким голосочком, как маленькое дитё, чуть слышно. Когда мать провожала их за калитку, они ей «посочувствовали»:

– Ох, тетя Фрося, какое у вас горе-то... Сын-то у вас какой!

А другая женщина добавила:

– Мы радуемся, что он нам все рассказывает, а вам-то горе какое. Хоть бы Господь его взял.

Вот так. Они ему желают смерти. Прихожу я, а Миша плачет, слезы текут по лицу – вытереть-то их он не может.

– Миша, ты о чем плачешь?

– А почему такие люди приходят, которые мне желают смерти?

Видишь, он не боится, хоть и калека – живет, а люди желают ему смерти. И он знает, что именно они матери за калиткой сказали, хоть и не слышал, а духовно знает...

Как нужны нам такие люди, воспитатели духовные! Чтобы обличали наши грехи, помогали духовно исцеляться. Юродивый Миша был как инструмент духовный в руках Божиих. Вся его жизнь проста и ясна, как солнечный лучик.

Мы, здоровые, бегаем туда-сюда, заботимся о многом, а смысла жизни часто не понимаем. А больной, немощный

Миша никуда не ходил, а только молитву читал – бывало, целый день и ночь. И Бога за все благодарил, хоть и нелегко ему жилось.

А мы, здоровые и благополучные, делаем ли это? Ведь Бог сотворил человечество для добра, и мы должны благодарить за все. За пищу надо благодарить, за солнце, за воду, за то, что мы образ Божий носим. За то, что с каждым дыханием мы вдыхаем благодать Божию, что каждый вздох дает нам жизнь.

Это совсем несложно. А мы не хотим этой простоты, этой искренности жизни. Потому у нас вместо благодарности – хуление, или табак, или нехорошее слово, или что другое похуже. Это ужасно, что такие простые, очень простые духовные правила нарушаются. Оттого и столько бедствий кругом.

«ДУША ХОДИЛА...»

В конце 70-х годов была у меня не совсем обычная встреча в Ташкенте. Узнав, что я провел несколько встреч с прихожанами, рассказывая им о случае с Клавдией Устюжаниной, в епархию обратилась жительница Ташкента Акилина – оставила свой телефон, чтобы в следующий приезд и ей услышать про Клавдию. Потом попросила разрешения рассказать о происшедшем с ней самой случае. Вроде ничего особенного в нем нет, и кто-то может с недоверием отнестись к подобному свидетельству, к тому же Святые Отцы учат не доверять снам. Но Акилина рассказала о себе со смирением, сильно переживая случившееся. Потому я решаюсь передать читателям ее рассказ.

«Лежала я в больнице на Госпитальной улице, как раз напротив епархии – у меня был перелом ноги. Наконец, сняли с меня гипс, и я лежала на койке – отдыхала после обеда. Вдруг подходит ко мне какая-то молодая монахиня, называет меня по имени и говорит:

– Ну, Акилина, вставай – пойдем со мной.

Я тут же встаю, забыв, что перед тем не могла сту-

пить на больную ногу. Пошла за монахиней – не взяла ни костылей, ни палочки, даже тапочки не надела. Только нога правая у меня забинтована. Спускаемся мы с нашего второго этажа вниз, выходим на улицу. Только перешли через дорогу к трамвайной остановке (мне еще запомнилось, что мимо шел трамвай под номером 5), как я увидела сзади нее голубую прозрачную лестницу – ведущую ввысь, прямо в Небо.

– Иди за мной, – сказала монахиня и начала подниматься вверх по этой лестнице.

Я со страхом, с трепетом – но иду за ней. Высоко поднялись. Но я почему-то не боюсь, мне так спокойно и радостно. Кругом – сияние, вся земля в цветах, по зеленым улицам прямыми рядами тянутся большие палатки – голубые, салатные и зеленые. Люди светлые, приветливо беседуют, но что говорят – не слышно. Монахиня говорит мне:

– Запоминай – будешь рассказывать.

А дальше – снова лестница в Небо, выше прежней. Монахиня сказала, что там второе Небо. Там дома уже деревянные, резные, красоты несказанной. Люди радуются. Мы идем мимо них – они нам кланяются. Монахиня снова говорит:

– Смотри – запоминай.

Потом повела она меня по лестнице еще выше: на третье Небо, как она сказала. Поднимаемся, а там – высокие-высокие – белые дома. Полно цветов – да ароматных таких! Люди все в белом, сияющие. Ходят – радуются.

– Смотри – запоминай. Будешь рассказывать, – снова говорит монахиня.

Гляжу я на эту красоту и думаю: как же меня, грешницу, Бог сподобил увидеть эту радость? И уходить мне оттуда не хочется! Но монахиня ведет обратно. Спустились на второе Небо, на первое, потом – на землю. Заводит она меня обратно в мою палату и говорит:

– Ну, Акилина, теперь ложись, отдыхай.

Я только села на кровать, а она уже уходит. Вмиг встали перед моими глазами дивные места, которые она мне показала, и невозможным показалось мне, чтобы она ушла, не рассказав о них.

— Матушка, матушка, вернись! Поговори со мной! — громко кричу ей.

Тут медсестра подбежала:

— Акилина, ты что кричишь?

— Верни, верни ее! — отвечаю.

— Кого?

— Да вон ту матушку!

— Какую матушку?

— Да вон она, вон она пошла!

— Что ты, нет никого.

— Как это — нет никого?

Глянула — действительно, никого. Никто не видал и не слыхал ни о какой матушке. Врач подошел:

— Что за шум, Акилина? Все отдыхают, а ты кричишь.

— Да мы ходили с матушкой одной...

— Куда это вы ходили?

— На улицу...

— Ты — ходила?! А ну-ка расскажи — где ты находишься? И как это ты с переломом ноги умудрилась ходить?

Я им все рассказала — и что в коридоре, по которому мы шли, два цветка с левой стороны, и что перила на лестнице деревянные, резные, голубой краской покрашены, и что трамвай 5-й номер мимо нас ехал. Удивились они: все точно я рассказала, хотя видеть этого не могла — ведь меня на "скорой" в больницу доставили, а из палаты я никуда выйти не могла...

Но когда я стала рассказывать про лестницу в Небо, про свое путешествие с монахиней, врач стал щупать у меня пульс, измерять давление. Потом сказал:

— Так ты сама рассуди, Акилина, у тебя даже палочки, чтобы ходить, нет, ты еще на ногах даже с костылями не держишься. У тебя и тапочек нету. А на ноге бинт — чистенький, беленький. Если бы ты хоть раз наступила на асфальт, то отпечаток бы остался. Как же ты ходила?..

Глянула я на бинт — и вся краской залилась. Выходит — нафантазировала я все? Но сама я точно знаю, что ходила по лестнице на Небо с той монахиней. Такая радость в душе осталась — ничем ее не опишешь, не выразишь. Как бы мне

хотелось там снова оказаться! Но как же жить надо для этого — безгрешно...»

Все, кому Акилина рассказывала про этот случай, все считали, что это с ней от высокого давления — что-то вроде галлюцинации. Но мне думается, что это реальное духовное переживание. Разве она ногами ходила? Душа ее ходила на Небеса! А тело ее лежало. Но если душа вдруг потянулась к святому, высокому — разве это не истина? Ведь так же и у Клавдии Устюжаниной было. До операции, до того, как побывала ее душа на Небе, была она одна, а после — стала совсем другая.

ПОСЛЕДНЯЯ СОЛОМИНКА

Бывает, Господь дарует особую милость людям, когда они находятся, как говорится, на краю пропасти. Например, когда в последней стадии рака выписывают их из больницы умирать, или заболеют иной неизлечимой болезнью. Тогда за соломинку хватаются — идут в Церковь, так как больше ничего не помогает. Я сам много раз был свидетелем тому, как такие люди, исповедовавшись, причастившись, пособоровавшись, начав читать молитвы (то есть, совершенно изменив прежнюю безбожную жизнь), становились совершенно здоровыми.

* * *

Это случилось в Бердске в 1987 году. Пришла в храм молодая женщина:

— Батюшка, мамочку выписали из онкологической больницы, чтобы ей умереть дома. Никакие лекарства уже не помогают. Надежды никакой нет. Мама просит исповедовать ее, пособоровать — приготовить к смерти.

Пришли к этой женщине — она уже с постели не встает. Три подушки под спиной — лежит вся опухшая, синяя, уже трупный запах появился. Еле разговаривает. Я ее исповедовал, пособоровал, причастил. Спрашиваю:

– Молитвы знаешь?

– Знаю три молитвы, – отвечает она.

– Читай молитвы, – говорю больной, – о завтрашнем дне не думай, ни о ком и ни о чем не думай – о тебе родные позаботятся, а ты только читай молитвы непрестанно. Можешь хотя бы раз в день перекреститься – и того достаточно. И Господь тебя, если будет на то Его святая воля, исцелит.

А снохе и дочке наказал:

– Вы ее не беспокойте, все нужное для ухода делайте тихо, незаметно, вопросов ей не задавайте. Пусть только молится без всяких помех...

Через два месяца приходят дочь и сноха этой женщины: я их не узнал сначала – вижу, что лица знакомые, а не вспомню, где их видел.

– Батюшка, помните, вы у нас были?! – сказали они и заплакали.

Тогда я их вспомнил – по голосам. Подумал: что-то случилось.

– Случилось чудо, – говорит дочка, – мама исполнила все, что вы ей сказали, – читала молитвы непрестанно. Теперь она поправилась и послала поблагодарить вас.

Я говорю:

– Не меня надо благодарить, а Бога.

Действительно, только Господь мог совершить то, что произошло с этой женщиной. Она была на учете в онкологической больнице, каждый день приезжали к ней делать обезболивающие уколы. Смотрят – опухоль спала, трупный запах исчез, больная стала поправляться: начала кушать, разговаривать, ходить. В больнице взяли анализ – никакого рака не обнаружили. Удивились:

– Быть такого не может! Чем вы лечились?

Женщина рассказала, что призывала батюшку, исповедовалась, причастилась, стала молитвы читать – вот и начала поправляться.

– Сейчас мама уже молится стоя, – поделились радостью ее дочь и сноха, – купила лампадку, у нас в доме теперь иконы висят.

Вот вам факт: как действуют исповедь, причастие и молитва. Не сами по себе, конечно, а по вере нашей, по воле Господа. Но какое же удивительное лекарство дал нам Господь!

* * *

В 1977 году в Самарканде я стал свидетелем еще одного случая удивительного исцеления после молитв.

Привела как-то ко мне мать двух дочерей, одна из них страдала припадками.

– Батюшка, быть может, вы знаете, как вылечить Олю? Совсем замучили ее припадки – по два раза в день бьют.

– Дочка крещеная? – спрашиваю.

– А как же – крещеная...

– Ну а крест она носит?

Замялась мама:

– Батюшка... Как вам сказать... Да только две недели, как надели на нее крестик.

Покачал я головой: что за христианин без креста? Все равно что воин без оружия. Беззащитный совсем. Стал беседовать с ними. Посоветовал исповедоваться и причаститься, каждый день по 40 раз читать 90-й псалом – «Живый в помощи Вышняго».

Через три дня пришла эта женщина с двумя дочками – Олей и Галей. Исповедовались они, причастились и начали читать ежедневно по 40 раз 90-й псалом, как я им и советовал (этому молитвенному правилу научили меня родители). И – чудо – только два дня почитали всей семьей 90-й псалом, как Олю перестали мучить припадки. Избавились от тяжкого недуга без всяких больниц. Потрясенная, мать пришла ко мне и спрашивает, сколько денег нужно «за работу».

– Что вы, мамочка, – говорю, – это не я сделал, это Господь. Вы сами видите: то, чего не смогли врачи, совершил Бог, как только вы обратились к нему с верой и покаянием.

* * *

С 90-м псалмом связан еще один случай исцеления – от глухоты.

Пришел в наш Вознесенский храм в Новосибирске один пожилой человек по имени Николай. Стал жаловаться на скорби:

– Батюшка, я плохо слышу, давно уже, с 4-го класса школы. А сейчас совсем невмоготу стало. К тому же и печень, и желудок болят.

– А ты посты соблюдаешь? – спрашиваю его.

– Да нет, какие там посты! На работе чем накормят – то и ем.

А шла пятая неделя Великого поста.

– Николай, – говорю ему, – до Пасхи только постную пищу вкушай и читай ежедневно по 40 раз «Живый в помощи Вышняго».

После Пасхи Николай приходит со слезами, и брата Владимира с собой ведет.

– Батюшка, спаси тебя Господь!.. На Пасху запели «Христос воскресе» – а я не слышу. Ну, думаю, батюшка говорил – постись, Бог поможет, а я как был глухой, так глухим и остался! Только подумал так – тут же у меня будто пробки из ушей выскочили. Сразу, в один миг, нормально слышать стал.

Вот что значит – пост, вот что значит – молитва. Вот что значит – читать «Живый в помощи Вышняго», без всяких сомнений. Очень нужна нам чистая, покаянная молитва – больше пищи и воды. Будет водичка в стакане мутная – мы ее пить не станем. Так и Господь хочет, чтоб мы не мутную, а чистую молитву изливали из своей души, ждет от нас чистого покаяния... А для этого нам сейчас дается и время, и свобода. Было бы усердие.

В ГОРАХ ПОД СУХУМИ

Вот вам еще документ – что может вера.

Много написано о сухумских подвижниках, что в Кавказских горах живут – без крыши над головой – в ущельях, в горах укрываются от дождя и снега. Дикими фруктами питаются.

Я тоже слышал такой рассказ от архимандрита Серафима (Брыскина), который сейчас является духовником Красноярского Свято-Благовещенского монастыря. Он со своим младшим братом иеромонахом Варсонофием (сейчас он схиигумен Виктор) в 1962 году ездил на Кавказ, в Сухуми – после того, как о. Серафима выслали из Покровского кафедрального собора Красноярска за то, что воспрепятствовал закрытию собора.

В горах под Сухуми подвижники Православия скрывались от властей, жили без паспортов, без прописки. К ним и направились отец Серафим с отцом Варсонофием. Перед паломничеством наложили на себя пост на три дня, исповедовались, причастились, собрали сухарики, спички, белье, сапоги, постель. И пошли по карте и по компасу – в лес, в горы, без дорог и тропинок. Их предупредили: если встретится удав, то стойте смирно, не шевелитесь, иначе может удавить.

«Идем мы по карте, – рассказывал мне о. Серафим, – *смотрим: с горы катится какое-то большое колесо, словно кем-то брошенное. А это оказался удав. Растянулся перед нами и встал напротив, сантиметрах в двадцати. То к одному, то к другому тянется – нюхает каждого. Представляете: около двух часов мы стояли, шелохнуться боялись – только молитву про себя читали. А удав держал свою голову на уровне наших глаз. Потом вдруг снова свернулся колесом – и на гору так же покатился. Мы спрашиваем друг друга:*

– Ты живой?

– Слава Богу!

Страшная это встреча. Когда опасность миновала, у нас слезы потекли. И опять пошли по компасу.

И тут нам встретился отшельник — иеродиакон Аввакум. Он всю Псалтирь на память знал — как мы "Отче наш". Он прозорливец был — знал, что нам навстречу удав попался, и, видно по его молитве, этот удав куда-то укатился... Подходит к нам этот раб Божий — кланяется в ножки и называет обоих по имени.

— Идите за мной!

Привел нас в свою келью. Встал на колени, начал благодарить Господа, Псалтирь читать на память. Мы стояли на коленях, а потом оба упали и уснули, а он все читает. И когда за трапезу сели, он продолжал читать — чтобы не забыть Господа Бога. Нам рассказывали, что он ничего не спрашивает, ничего не просит, ни в чем не нуждается — хоть рубашку с него снимайте, а он будет читать Псалтирь. Но мы видели, что он просоленный весь, — обмыли его, как могли, надели на него все новенькое, чистенькое: новые сапоги, новое белье, новые брюки. Он не сопротивлялся, а сам в это время читал и читал Псалтирь. Потом нам про будущее рассказал, про скорби, которые придется претерпеть. Рядом с ним была келья другого отшельника — иеромонаха Мардария, с которым мы часто встречались в Сухуми».

Отец Серафим с отцом Варсонофием пробыли у иеродиакона Амвросия две недели. Кроме Псалтири, этот пустынник постоянно читал молитву «Да воскреснет Бог». Потому как везде искушения. Вокруг его кельи бесы кричали, как женщины. Без молитвы сейчас жить вообще нельзя нигде.

Весточки о жизни пустынников я получал и когда служил в Самарканде. Тогда приезжал ко мне из сухумских гор монах Александр — сказали ему, что я из Сибири, дали адрес.

Оставил я его пожить у себя. И он много рассказывал, как живут кавказские пустынники — без всяких строений, практически под открытым небом, прячась от дождя и снега в ущельях. На зиму сушат фрукты. Есть среди них прозорливцы. Есть великие молитвенники.

Так, по молитвам одного монаха появляются источники. Стоит попросить его – нужна, дескать, вода, – он придет, помолится 2-3 часа, ударит четками по скале – и появляется вода. Знал он заранее, что их будут искать, прилетят вертолеты, – предупреждает других пустынников. Все прячутся кто куда – как воробьи от коршуна...

Верующие люди приносили им продукты и просили помолиться. А паспортов у пустынников не было. И прописки тоже. Жили там монахи и послушники из разных монастырей, в том числе из Почаева и Глинской пустыни. Вся их жизнь была молитвой.

НЕБЕСНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

ВЕСТНИК

Когда с фронта вернулся, начал работать продавцом в селе Гришкино Томской области. А мне так хотелось поступить в семинарию или уйти в монастырь. Но меня не отпускали с работы.

Шел 1948 год, когда произошел случай, который я до сих пор без волнения вспоминать не могу. Было 7 часов вечера, рабочий день уже закончился. Вдруг приходит ко мне в магазин человек. Я его не знал, да и до сих пор не знаю, кто это был, – с виду обыкновенный, лет 55, лицо очень доброе. Сразу я к нему расположился, ведь лицо – это зеркало души. Запер незнакомец дверь на крючок и говорит мне:

– Встань, Валентин, на колени – лицом на восток, перекрестись трижды. Слушай – я тебе расскажу прошедшую и будущую жизнь, про твоих друзей, что с тобой было – всё как есть расскажу. Слушай внимательно.

Говорил он медленно, внятно – будто хотел, чтобы я каждое его слово понял и запомнил. И рассказал, где, что и как со мной произошло, описал все места, где я побывал. Назвал моих родных и всех друзей – с кем я жил и воевал, про ранения, про операции, про будущую мою болезнь.

Посмотрел я на него чуть недоверчиво и думаю: *«Не может он все это знать! Откуда ему известно, что я в блокаде был?»* А когда тот человек сказал, что у меня осколок сидит в пояснице, тогда я поверил, что он, действительно, правду говорит. Я даже заплакал от ужаса – ведь здесь, в Сибири, никто не знал про осколок, никто! Думаю: ну, где я был, ему может быть известно – вдруг он разведчик ка-

кой. Какие и за что у меня награды – это тоже нетрудно узнать, кагэбэшники хорошо работают. Но про осколок, который засел между третьим и вторым позвонком, я даже папочке с мамочкой не говорил – расстраивать не хотел, думал: перетерплю.

А потом этот человек спрашивает меня:

– Помнишь, вы договорились вшестером, чтобы никакого хульного слова никогда не произносить и друг друга ничем не обижать?

– А как же... Помню! – только и сказал я (кто же, кроме моих друзей-солдат, мог знать об этом?!).

У меня прямо слезы потекли от ужаса, что он все знает. Человек не может знать таких секретов – я никогда никому не рассказывал об этом. Да и зачем оно, кому это надо?

– Вы молились, просили Господа оставить вас в живых. И вот ты жив. И твои друзья все живы. А видел, как трупы вокруг вас лежали? Так что если бы вы матерились, хульные слова говорили – точно так же лежали бы и ваши косточки... Вот что значит «матерок» – а вот что значит молитва... Скажи всем, чтобы никогда не матерились...

Многое этот человек сказал и про будущее – то есть про наше сегодняшнее и отдаленное время. Предсказал, что будут люди по миллиону – по два получать и даже больше.

– И ты тоже будешь миллионером! – сказал он.

Я изумился:

– Куда их девать, эти миллионы?!

Ведь тогда, в 1948 году, я получал 46 рублей. А он и говорит:

– Не беспокойся – эти деньги пустые будут.

Как понимать – пустые? Тогда это мне было непонятно. Как можно поверить в такое? Миллион – и пустой? Не стал он долго объяснять:

– Потом поймешь!

А вот в 90-х годах стало понятно, какими «миллионерами» мы стали. Одни нули!

Сказал он, что скоро будут церкви строить, купола золотить, а жизнь будет все хуже и хуже. Сказал, что будет последнее гонение на православных, но когда будет – умолчал, о подробностях не рассказал. Сказал только:

– Я мог бы тебе рассказать каждый день будущей жизни, но ты не запомнишь. Да и не надо это...

И все, что он предсказал мне, – все совершилось. Сказал даже про сосны у храма в Бердске, где я буду служить. Из этих деревьев сейчас сделан аналой... Все это может знать только Божий человек. Не знаю – был ли это Ангел небесный, принявший облик человека, – не берусь судить! Но чувствую: он истинно говорил. Такая чистота у него была во взгляде! От него как будто благодать исходила – так хорошо мне было.

«СЕЙЧАС НУЖНЫ ЛЮДИ ВЕРУЮЩИЕ...»

И еще тот вестник о моей будущей жене предсказал. Не скажу, чтобы очень радостно было мне услышать его слова:

– Ты должен жениться.

Планы у меня тогда были совсем другие – скажу прямо. Да и знал я, как трудно жить семьей, воспитывать детей. Думал: я-то верю, а какими дети вырастут, какая жизнь у них будет? Тогда ведь за слово Божие сажали, расстреливали. Меня это страшило.

Вот и начал я говорить тому человеку поперек:

– Не хочу я жениться!

А он и назвал причины, по которым я жениться не хотел, назвал, чем я заняться собрался. Потом сказал, будто приказ прочел:

– Тебя Господь благословляет жениться!

Я все еще сопротивляюсь:

– Да я больной, немощный, негодный к супружеской жизни.

– Вот Господь и даст тебе терпение. Приедет сюда раба Божия Антонина, будет врачом работать, ты с ней познакомишься, а потом женишься на ней.

Я за последнюю соломинку хватаюсь:

– Так людей-то много и помимо меня.

– Нет, – говорит он, – люди нужны верующие. Пока больше неверующие детей рождают, к вере их не приводят. А вы будете своих детей учить вере.

Ну, я и умолк тогда, не стал больше перечить, думаю: *«Не моя воля все-таки»*.

Немного времени прошло, около двух лет, – оказалось всё это правдой. Приехала в село Макарьевка молодая женщина. Пришла в магазин, где я работал. Я пригляделся к ней, потом спрашиваю:

– Вы сюда надолго приехали?

– Думаю, надолго, врачом работать буду, – говорит.

– Как вас звать?

– Антонина.

«Антонина! – вспомнил я. – *Врач Антонина! Мне же о ней тот вестник говорил!»*

– А откуда вы? – продолжаю расспросы.

– С Волги.

– А верующая или нет?

– Верующая.

Ну и пошел разговор. Познакомились, проводил ее до дома. Рассказал все о себе. Она свою жизнь поведала: папочка погиб на фронте, брат младший учится еще. Через три месяца образовалась у нас семья, мы расписались, но пока не венчались, потому что церкви у нас еще не было, а далеко ехать было некогда – она работает, я работаю.

– Ладно, как-нибудь вырвемся, повенчаемся, – сказал я жене.

И она так же толковала.

В пятьдесят первом году у нас родился сын, Владимир. Я и говорю:

– Господи, пусть он только славит Бога, живет не как-нибудь, а только во славу Божью.

И о втором сыне Николае молился так же. И о третьем – Василии. И о дочке. Я все время просил Господа о детях, потому что мне было предсказано: нужны верующие люди. И я старался их воспитать в вере. Все трое сыновей стали священниками. Владимир и Василий – у нас в Сибири, Николай (в постриге он Петр) – игуменом в Жировицком Успенском монастыре в Белоруссии.

«Я НЕ ИМЕЛА ВЕРЫ, А ГОСПОДЬ МЕНЯ ПОЖАЛЕЛ...»

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Тогда, в 1948 году, когда стоял я на коленях перед Богом рядом с дивным вестником, со страхом и трепетом поверил ему. Принял его слова за истинные. И с полным доверием воспринял еще одно предсказание этого человека:

– Придет время – в Барнауле Господь воскресит женщину, звать ее Клавдия, ты у нее будешь 5 раз, а потом будешь рассказывать людям, как все было. Будешь в хоре сначала петь, а потом станешь славить Бога.

Все это было сказано в 1948 году – то есть за 16 лет до многим известного барнаульского чуда! Перед Богом и именем Господним свидетельствую: говорю истину! За эти слова я отвечаю перед Богом на Страшном Суде!

«ВЫ ТАК ВЕРИТЕ?!»

Нисколько не сомневался я в том, что все именно так и случится. И когда услышал, что в 1964 году в Барнауле Господь воскресил женщину, Клавдию Устюжанину, отпросился с работы и немедленно поехал туда. Тогда, в декабре 1964 года, я еще не имел священного сана, пел на клиросе храма Петра и Павла в Томске.

Приехал по адресу, который мне дали, нашел дом Клавдии Устюжаниной, а там никого нет. Калитка закрыта.

Жду. А уже темнеет. Идет высокая, статная женщина с сыном – Андрюша тогда был маленький, лет восьми. Я подхожу:

– Здравствуйте, Клавдия Никитична! Я к вам!

Она не удивилась нисколько:

– Заходите.

– Клавдия Никитична! – говорю я. – Есть у меня в Барнауле знакомые, но только не знаю, где они живут. Сам я из другого города. Можно ли у вас переночевать?

– Но мне отец Николай сказал, чтобы я никого не пускала, потому что могут взять мои документы. А чем я буду подтверждать, что была в больнице, что ничего не выдумала?

Я перекрестился на иконы и достаю паспорт.

– Не бойтесь, вот мой паспорт!

В это время Андрюша подошел и обнял меня, будто давно не видел и соскучился, головку к моей груди приклонил – как будто мой родной сыночек. Клавдия Никитична пальто повесила, оборачивается:

– Не надо, не надо паспорта! Я по Андрюше вижу, что вам можно доверять. Раздевайтесь, проходите.

Я сразу задал ей вопрос о чуде ее воскрешения:

– Клавдия Никитична, как на том свете – вам больно было или нет?

Она очень удивилась:

– А разве вы уже бывали у меня?

– Нет, – говорю, – ни разу!

У нее слезы потекли. Сидит и не может слова выговорить. Наконец, спрашивает:

– Неужто вы так верите?!

– Да, – отвечаю.

– Какие люди верующие бывают! Вот вы в первый раз услышали – и сразу поверили. А я бы никогда не поверила. Даже если бы жива была моя родная мамочка, которую я любила и которой верила безгранично, – то и ей бы не поверила, если бы Господь совершил такое чудо с мамой. А уж о чужом человеке и говорить нечего – даже слушать не захотела бы...

Сама-то она долго была неверующей, хотя по натуре она очень добрый человек. А то, что у нее не было веры, — это ее большая беда. Ее нельзя судить за это — только Господь знает, почему мы потеряли веру. На то есть много причин извне, многое было сделано, чтобы испортить нашу Россию... И теперь таких неверующих не сочтешь! Но одну из них Господь все-таки пожалел — чтобы всем НАМ дать подкрепление в вере. Это не шутка, не сказка, не детская забава. Это серьезно! Это Божия благодать.

И чтобы понять это, мне не нужны были никакие документы и свидетели! Ведь я на себе убедился, что такое милость Божия: дважды меня Господь предупреждал — убери солдат, сейчас сюда снаряд прилетит. А предсказание о воскрешении Клавдии в Барнауле, данное мне в 1948 году? Вот почему, услышав рассказ Клавдии, я сразу просто и безоговорочно ей поверил. Я не искал свидетелей — правда это или неправда. Мне других свидетелей не надо было — я за 16 лет до этого знал, что такое чудо произойдет.

Мне одному из первых довелось услышать рассказ Клавдии Никитичны о ее жизни, буквально «по горячим следам» — через полгода с небольшим после чудесного воскрешения и исцеления.

«ТЫ СМЕЕШЬСЯ НАД БОГОМ!..»

Привожу рассказ Клавдии Никитичны Устюжаниной так, как она мне его изложила.

«Рядом с моим магазином, где я работала продавцом, был храм. Пошла я как-то посмотреть: что же там делается. Встала в уголок, наблюдаю: один, другой, пятый, десятый — крестятся, иконы целуют и даже поклоны земные делают перед иконами. Я подошла к иконе, постукала по доске, посмотрела: какой-то дедушка с бородой нарисован. А на другой иконе какая-то женщина — мать с младенцем. Я и думаю: "Ну и что же, и я Андрюшу маленького держала на руках... Вот, оказывается, какое у них понятие, вот им и Бог..."

Пришла в магазин, с легкой усмешкой рассказала о своих впечатлениях. А одна из работниц магазина укорила меня:

— Клава, замолчи. Ты смеешься над Богом!

— Да перестань! — ответила ей.

Потом пошли вдвоем с другой продавщицей посмотреть и убедиться. И тоже осудили всех — мол, они немножко... не того, вроде как больные какие-то».

Но Господь, конечно, пожалел Клавдию Никитичну, не дал остаться в таком помрачении — она тяжело заболела. Раком. Как об этом уже много писали, болезнь была послана для спасения души. А оперировал ее Израиль Исаевич Неймарк, прекрасный талантливый хирург, профессор, знающий свое дело. И на операционном столе ее душенька вышла из тела. Вот как она рассказывала об этом:

«Страшно говорить даже. Труп мой лежит на столе — разрезанный, как свиная туша. А я вижу, слышу, перемещаюсь туда, куда мне хочется...»

А это душа ее все видела, все слышала душа — душа все чувствовала! А плоть — как одежда души. Все равно что мы сбросили пальто — а сами пошли, куда хотели. Вот Клавдия и подумала, что пойдет домой, — куда же ей деваться?.. Но не получилось. Она слышала, кто что говорил, видела, как приехал ее директор, как сын Андрюша приходил и плакал, но ничего не могла поделать. Когда ее бездыханное тело увезли из операционной, она почувствовала нечто необычное — о чем прежде никогда даже не слышала:

«Душа моя, как ласточка, со скоростью молнии поднялась кверху. Будто в стеклянном футляре летела. Сопротивления ветра не было никакого! И вдруг вижу — земли нет! Лишь блестит издали звездочкой...»

Клавдия Никитична рассказала, что когда она лежала в неведомом ей месте — головой на запад, ногами на восток — под ней был коричневый коврик, будто пуховый.

«Слева от меня аллея метров в 6 шириной — длинная и прямая, как струна, — конца и края ей нет. Огорожена изгородью из лавровых листиков — таких густых, что даже курочка голову не просунет».

А на восточной стороне она увидела блестящие врата высотой примерно с девяти-или десятиэтажный дом — ни один человек в мире не может такую красоту создать! Даже изобразить не сможет. Врата блестящие, как солнце, разноцветные, цвета движутся, играют, сияющие искры летают...

«Прекрасно, тепло. А где нахожусь — не знаю. И захотелось мне узнать — а ни одного человека нет. Ароматный воздух... Забыла, что жила на земле, забыла, что умирала, и даже Андрюшу забыла. И вдруг через эти овальные врата с воздуха идут мама и дочка (так я их тогда восприняла) в монашеском одеянии коричневого цвета. Идут быстро. Дочка плачет, что-то у мамки просит. Мамка не обращает внимания, идет прямо ко мне».

АНГЕЛ ПЛАКАЛ О НЕЙ

Тогда Клавдия Никитична думала, что с «монахиней» дочка, а это был Ангел Хранитель, от Бога данный рабе Божией Клавдии. Это он плакал о ней.

«Я думаю: спрошу сейчас, в какой стороне нахожусь. А мамочка такой красоты, что в людях мира я никогда не видела. Невозможно смотреть на эту красоту. И она так строго смотрит на меня — чувствую, что мною недовольна. А я думаю: как же эта молодая монашечка стала мамой? И вдруг чувствую: знает Она про меня все — "от" и "до". И мне стало стыдно — не знаю, куда мне отвернуться или уйти. Но ничего не получается — как лежала, так и лежу. Не встанешь, не отвернешься.

И вот эта молодая женщина тихо поднимает голову и говорит (и в этом голосе чувствуется только любовь): "Господи, куда ее?" Меня как током ударило — я сразу поняла, что нахожусь на Небе, передо мной стоит Царица Небесная...»

Так постепенно она начала осознавать, что происходит, вспоминала все, о чем говорил ей отец. Андрюша в это время еще маленький был — не все запомнил из того, что мать рассказывала со слезами. Я же особо верю именно

этому рассказу практически сразу после чудесного воскрешения... Клавдия слышала, как Господь ответил Матери Божией.

«Голос слышу откуда-то сверху: "Ее спустить обратно на землю, она не в срок умерла". Так я обрадовалась, хотя меня всю трясло!.. А Царица Небесная пошла в эти блестящие врата — и они открылись пред ней с молниеносной быстротой. А сквозь открытые врата стал виден сильный, прозрачный голубой свет. А потом двери небесные снова закрылись... А я лежу, как пустышка, ничего не соображаю, что со мной будет. И тогда чувствую, как кто-то, а это был Ангел Господень, мне вкладывает мысль — о чем спросить. И я спрашиваю:

— Господи, как я буду жить на земле — мое тело все изрезано?

А Господь отвечает (но я слышу только голос — и в этом голосе абсолютная любовь!):

— Будешь лучше жить... Вы, неблагодарные, не чтите Творца своего, а только хулите. Не каетесь в грехах своих, а все более грешите. Твой сын пошел в детдом, а твоя грязная душа прибыла ко Мне...

Я лежу. И опять молчу. И снова Ангел как бы подсказывает мне, о чем спросить. И тогда я говорю:

— Господи, у меня сын сиротой остался.

А Господь вместо ответа спрашивает:

— Знаю. Жаль тебе сына твоего?

Я смогла лишь выговорить:

— Очень!

И так заплакала, что впадины глаз наполнились слезами.

— А Мне втрое больше жаль каждого человека».

Да, мы все дети Божии, и Господь всех нас безмерно жалеет — много раз я в этом убеждался... Убедилась потом и Клавдия.

А в тот момент она лежала, беспомощная, не зная, что с ней будет дальше. Даже соображать толком не могла. Ведь душа ее не имела духовного понятия, духовного воспитания. Ей было только страшно и стыдно.

«ЖИЗНИ ОСТАЛСЯ МИЗЕРНЫЙ СРОК...»

Ангел вкладывает ей в ум третий вопрос, и Клавдия спрашивает:

– Господи, у нас на земле говорят, что здесь, на Небе, есть Царство Небесное.

На этот вопрос Господь ей не ответил.

«Знаю, что слышит, а почему не отвечает – не знаю. Я уж крутила головой – туда и сюда, так и не дождалась. Смотрю: врата снова открылись. Царица Небесная вышла в коричневой мантии, быстро пошла ко мне – в руке косичка.

Господь и говорит Царице Небесной:

– Подними ее и покажи ее "рай".

Царица Небесная сделала чуть заметное движение пальцами – и меня как током подбросило: я мгновенно встала – лицом на восток. Потом Она к северной стороне протянула руку – там точно занавес открылся с молниеносной быстротой, и всю меня повернуло лицом в ту сторону. Вижу, впереди огромное поле – тянется справа налево и вдаль, конца ему не видать. Я сначала думала: поле горелых кочек. А когда пригляделась – вижу: все они шевелятся. Мне стало страшно: как это – кочки шевелятся? А это люди, живые, но обгоревшие, обугленные люди, хотя и нос, и уши, и пальцы – все цело. Это души их были – черные, как уголь! Их не узнаешь – кто там: он или она. Не различишь. Шевелятся. Разговаривают – словно прибой морской шумит. Просят меня, называя по имени, чтобы передала на землю: если кто боролся против Бога – то лучше бы не родиться тому человеку. Покаянно выплескивают передо мной свои грехи ("я блудник", "я вор, разбойник", "я убийца..."). Я поняла, что это люди, жившие без веры, умершие без покаяния».

Клавдии не было сказано, кто именно эти люди, когда и почему они туда попали. Но Господь дал ей такую восприимчивость слов, которые изливались из этого моря людского, что она знала, о чем просит каждый. Но в целом просьба была одна: молитесь, поминайте нас, кайтесь! А там, на Небе, покаяние не принимается – только здесь, на

земле. Все эти люди в Царствие Небесное не войдут за богохульство. Ведь любой грех – это есть богохульство.

Клавдия ощущала от них невозможный смрад, и никуда не могла деться от этого смрада: лица не отвернешь, не шевельнешься – ноги как будто электросваркой приварены... И люди эти стояли так же, не имея возможности шевельнуться, – плотно, как в тесном автобусе.

Тут пронзили ее Слова Господа, сказанные перед тем, как она увидела это поле людского горя, – о том, что живущие на земле не чтят Творца своего, а только грешат. *«Каяться надо и не грешить, ибо жизни остался мизерный срок»* – эти слова Господа она продолжала слышать всей душой. Она вдруг поняла, что для нас это было сказано, для всех нас! Ведь Господь оставил на земле для всего мира один Закон, а не два! Один на всех. Поэтому мы должны молиться об этих людях. Они передали предостережение Божие Клавдии, а она передает нам – живущим на земле. Это и является великой, живой проповедью Божией. Через эту проповедь Благодать касается нашей планеты...

Не все это поняла сразу Клавдия Никитична, но испытала такое потрясение, что у нее потоком полились слезы, и она из глубины души воскликнула:

– Господи! Царица Небесная! Пусть я буду живой на земле! Я буду молиться, буду всем рассказывать, что видела и слышала на Небе.

Царица Небесная снова сделала движение рукой – и видение закрылось, воздух очистился от смрада. Когда рассказывала мне об этом Клавдия, вспомнил я ее слова: *«Если б Господь сотворил бы это с мамочкой моей – никогда бы не поверила»*. Действительно – как может поверить тот, кто сам не пережил подобного?..

Когда Царица Небесная махнула рукой вниз – город Барнаул стал виден, как в увеличительное стекло. Видно было все в мельчайших деталях – даже соломинки. Увидела Клавдия свой магазин и говорит:

– Вон магазин, в котором я работала.

А Богородица кротко так отвечает:

– Знаю!

Клавдия чуть не заплакала от стыда, думая: *«Кому я говорю?! Она же все знает!»* А Царица Небесная показывает:

– Посмотри на храм!

И в тот же миг Клавдия видит внизу голубой купол и крест.

– Посмотри, как там молятся!

И опять – купола как будто не стало, словно он превратился в хрусталь или стекло. Посмотрела Клавдия на всех, кто был в храме, – ни одного своего знакомого не увидела... Только служащего батюшку Николая Войтовича, которого она знала. А когда увидела, как старушка со старичком крестятся, иконы целуют, поклоны кладут, – вспомнила, как дважды заходила в Покровский храм, когда была жива-здорова, и всех осудила, осмеяла, назвала глупыми. А теперь, увидев этих людей сверху, она закричала в слезах:

– Господи, какие же люди умные – верят, что Бог есть, образу Его поклоняются!

Ее всю трясло, она рыдала. И Царица Небесная позволила ей наплакаться вволю. Потом Она снова сделала движение пальцами – и все исчезло...

В это время от блестящих врат сами поплыли к ним двенадцать пластин – прозрачные, словно стеклянные, напоминающие вагончики, соединенные золотыми цепочками. Царица Небесная говорит Клавдии:

– Становись на них, сначала ставь правую ножку на пластину, а затем левую.

И так на каждую. И когда она дошла так до двенадцатой пластины, видит – а там только одна рамочка золотая, самого же днища нет.

– Я упаду! – говорит Клавдия.

– Не бойся, – утешает Царица Небесная и дает ей косичку – как бы из ее же волос. Взялась Клавдия за косу правой рукой, Матерь Божия подняла ее (душа нисколько не весит – легонькая, будто маленькая деревянная ложечка), встряхнула – и полетела Клавдия со скоростью мол-

нии, абсолютно не ощущая сопротивления ветра, прямо вниз. Увидела лежащего мужчину без ног – ему ноги отрезало поездом, успела увидеть свое тело. А потом ничего не помнила.

«Я ДОЛЖНА РАССКАЗАТЬ, ЧТО ВИДЕЛА И СЛЫШАЛА...»

Установили у постели Клавдии дежурство – и врачи, и сестры менялись через несколько часов. Никто не знал, будет ли она жить дальше, что будет с ней.

Когда она пришла в себя в палате, боли не ощутила и долго не могла понять, где находится. Увидела окно, лампочку, человека в белом, вспомнила, что это врач, – память к ней возвращалась постепенно. Она вспомнила, что жила на земле, тяжелую операцию, вспомнила все, что произошло с ней на Небе после ее смерти... И вдруг пальцы у нее сами собой соединились в троеперстие (а ведь до того она почти совсем креститься не умела, забыла, как это делается!)... Открыла она глаза – на нее смотрит дежурная медсестра.

– Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи! – вдруг воскликнула Клавдия, хотя до этого она не знала никаких молитв.

Медсестра, дежурившая возле нее, бросилась к двери и закричала, не спуская с пациентки глаз:

– Скорей сюда!

Прибежала еще одна женщина в белом халате.

Клавдия говорит им:

– Собирайте людей, я должна рассказать вам, что я видела и слышала на Небе...

«Придя в себя, я торопила их, не зная, сколько проживу, какой срок мне установил Господь, – то ли час, то ли два, то ли больше. Но абсолютно никакой боли не ощущала – как будто была совсем здоровой».

Но, конечно, была еще очень слаба – долго не могла есть и пить. Когда ее выписали домой, то каждый день

продолжали делать ей уколы. Многие люди ходили за ней, выхаживали Христа ради.

А ей нужна была и духовная поддержка. Ведь выписка, данная железнодорожной больницей станции Барнаул 10 марта 1964 года, была равносильна приговору. Диагноз *«воспаление поперечно-ободочной кишки (неоплазма с МТС)»* – то есть с **метастазами!** – означал рак в тяжелейшей стадии. Уныние стало посещать Клавдию:

– Как же я дальше жить буду?..

Тогда Христинья, ее хожалка, решила:

– Завтра пойду в храм, закажу водосвятный молебен, принесу водички, окропим все – полегчает...

Назавтра Клавдия осталась одна в сильной печали.

«Легла я на койку. Дверь закрыта на ключ. Вдруг слышу: ко мне кто-то подходит. Я испугалась – ведь дверь закрыта! Вижу – надо мной стоит старец с белой бородкой, в подряснике, руку держит у груди и ласково так говорит: "Не плачь, Клавдиюшка, никакого рака у тебя нет". Поворачивается и уходит. Я ему вслед: "Дедуля, дедулечка, обожди, поговори со мной!" А он не останавливается – но идет не к двери, а на кухню. Я обрадовалась – сейчас на кухне с ним поговорю. Захожу на кухню, а там – никого... Думала – со мной что-то неладно. Хотела кричать от горя, от досады: как это со мною случилось – и видела, и слышала, а никого нет... А как воздух в себя вдохнула – почувствовала аромат необыкновенный: ладаном пахнет... Тогда я начала креститься: ой, кто это был?! Какой-то угодник Божий был?! А кто – не знаю... И так мне хорошо, что не могу нарадоваться. Пошла в горницу – и там необыкновенный аромат ладана. Я села в кресло, крестилась, молилась без конца. Глянула на часы – а уже 7 часов утра. Не заметила, как время пролетело... Вот какая радость бывает».

Когда Клавдии Никитичне наметили повторную операцию в городской больнице, Валентина Васильевна Алябьева, которая должна была ее делать, попросила помолиться об успешном исходе.

– Пресвятая Богородица, – взмолилась Клавдия, – благослови, чтоб операция была безболезненной, а Валентину Васильевну благослови оперировать меня...

Эта операция (произведенная несколько месяцев спустя после первой – «смертной») выявила то, что до сих пор у большинства медиков не укладывается в голове: полное исцеление от рака, хотя совсем недавно в брюшной полости обнаруживались метастазы...

«МЕНЯ ЛУКАВЫЙ БЬЕТ!..»

Осмысливая все происшедшее и происходящее с ней, Клавдия Никитична переживала еще одно чудо: из человека неверующего превращалась в сознательно верующего. А это было очень непросто.

Поначалу, когда Клавдия Никитична только что вернулась домой после больницы и ее стало посещать множество людей, чтобы расспросить, как все было, – она, полная впечатлений от недавно пережитого благодатного состояния, говорила всем:

– Рассказывайте обо всем, что услышали от меня, своим родным, пишите знакомым!

Но приходило немало и просто любопытных. Эти неверующие люди говорили:

– Это у вас сон такой был!

Приходили и «стукачи» – проверить, что она рассказывает. Она в своих рассказах власть не задевала – придраться вроде не к чему! Да и людей интересовало только то, что с ней произошло, – какой Клавдия была и какой стала! То неверующей была – а то вдруг о Боге говорить начала... Как такой переворот получился? Только поэтому власти стали утверждать, что она ненормальная.

А вскоре начались нападения лукавого – через недобрых людей.

Ее соседи, что жили рядом с ней, во второй половине дома, похоже, занимались колдовством. Зайдя как-то к

ним, я сам убедился, что их вполне можно назвать «работниками черной магии». Очень не по-доброму они меня встретили: не ответили на приветствие, старик на меня разъярился, замахнулся, назвал Клавдию нехорошим словом. Начал я псалом «Живый в помощи Вышняго» читать – им плохо стало. Старуху аж затрясло, она упала прямо на моих глазах – у нее началось что-то вроде припадка. Оно и понятно: враг не любит, чтобы о Боге слава шла. А эти люди врагу служили...

Когда я приехал к Клавдии Никитичне в первый раз, она долго не хотела меня отпускать. Может быть, потому, что она видела столько недоверия и издевок по отношению к себе, – и ей было легче оттого, что я безоговорочно верил. А кроме того, ей, видно, очень помогало то, что я молился в ее доме: нападений бесовских стало поменьше.

Но долго еще ее мучили дома бесовские нападения. Однажды приехал к ней, захожу в дом, а она кричит:

– Скорей! Меня лукавый бьет! Крести мне скорей спину – они меня так мучают!

Клавдия, сильно согнувшись от боли, прислонилась к печке, не в силах стоять, а я стал читать «Да воскреснет Бог», крестить ее. Вдруг рука у меня налилась такой тяжестью, будто я гирю поднимаю или глину мешаю! Чувствую: деревенеет моя рука. Но я не переставал усердно молиться, и вскоре мы оба почувствовали облегчение.

– Ой, слава Богу! – вздохнула Клавдия и выпрямилась...

Возможно, из-за действий бесов, нападавших на нее, Клавдия Никитична однажды заболела так, что не могла ходить. Суставы болели так, что не могла даже повернуться на другой бок – ее поворачивала старушка по имени Христинья, которая взялась за ней ухаживать. Она топила печку, а есть Клавдия ничего не ела – пропал аппетит.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ НА ПРОПОВЕДНИЧЕСТВО

«Однажды Христинья прилегла на кухне отдохнуть... А я на коечке лежу — неподвижная. В доме никого нет. Дверь, как обычно, закрыта. Вдруг слышу чьи-то шаги. Глянула: а ко мне подходит молодая монашенка, красивая такая. Называет меня по имени:

— Ну что, Клавдия, болят у тебя суставы?

А у меня в это время, действительно, так суставы болели, что и руки отнялись. Но в тот миг я и о боли забыла, только смотрю на нее во все глаза: как она зашла? Ведь Христинья спит, а дверь закрыта... Да и где я видела ее, такую хорошую, — забыла, и кто она такая — не знала... Тогда эта монахиня и говорит:

— Ну, вставай, Клавдия. Надо ходить. Надо кушать. Надо рассказывать».

О чем — рассказывать? Клавдия сразу поняла, что речь идет о ее рассказах про чудо, с ней случившееся. Ведь врачи твердили ей, что все это — сон, бред, ничего, мол, такого на самом деле не было... А после слов этой необыкновенной женщины сомнения отступили, Клавдии стало так легко и свободно! Ведь Святая Жена подтвердила, что рассказ Клавдии — это не сон, а живая проповедь небесная. Значит, похвально говорить о делах Божиих...

«А монахиня идет спиной к двери. На порог встала. Тогда я опустила ноги на пол — и сама не заметила, как поднялась на ноги, а ведь до того и шевельнуться не могла. Иду за ней, хотела Христинью разбудить, сказать ей: "Что ты спишь, такая гостья у нас!" Только на миг перевела взгляд на Христинью — а уж этой Святой Жены нет, хотя дверь не открывалась! В этот момент Христинья проснулась и воскликнула:

— Ой, Клава! Что я сейчас во сне видела! Здесь какая-то удивительная святая была!

Целует порог:

— Здесь она ступала!..

И ручку дверную, за которую она держалась, тоже целует...

— Клава, какая я счастливая, что взялась ухаживать за тобой и такой святой сон видела...

Когда же Христинья увидела, что я на ногах стою, — еще сильнее заплакала:

— Ой, Клава, а ты-то стоишь! Какая радость!..

И заплакали мы вместе».

После этого случая Клавдия Никитична стала рассказывать обо всем, не боясь наговоров. Получилось, что она стала проповедовать по повелению Святой Жены, которая ей явилась дома. Это было как благословение Божие, переданное через неведомую святую угодницу...

Много людей приезжало к Клавдии — я сам свидетель. При мне приезжали из Новосибирской области, из Томской тоже. Ехали со всей страны. Побывали у нее мои двоюродные сестра и зять. Много раз видел ее и слушал дьякон отец Никифор...

А в Томске весть о чуде Божием прозвучала с церковного амвона. Отец Александр Пивоваров рассказал о барнаульском чуде на проповеди в Лазареву Субботу.

В то время я как раз служил в Петропавловском храме и был живым свидетелем, как люди воодушевились словами отца Александра.

— Адрес? Какой у нее адрес? — разнеслось по храму.

Тогда отец Александр добавил:

— Тем, кто желает лично убедиться в воскресении Клавдии из Барнаула, встретиться с ней, — могу назвать ее адрес...

Множество народа после этой проповеди поехало в Барнаул. А отца Александра тут же взяли на крючок:

— Что вы такое проповедуете? Кто это воскрес?!

Хотели заводить против него уголовное дело, грозили даже лишить сана. Ведь он был энергичный, заботливый — привлекал к себе молодежь, учил ее. А этого властям тогда было не надо.

Многие в Томске расспрашивали меня о том, что рассказала мне Клавдия. Я всем говорил об этом чуде, никому не отказывал — ни в храме, ни дома у кого-либо. Тут же за

мной начали слежку кагэбэшники. Прихожане меня предупредили:

– Женщины, что за вами ходят, подосланы из КГБ.

– Пусть ходят! – ответил я. – Пусть следят. Я рассказываю только то, что я видел и слышал сам, ничего не прибавляю, а о властях ни словечка не говорю.

ПОД СЕНЬЮ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

О барнаульском чуде стало известно в Троице-Сергиевой Лавре. Приезжали паломники из далеких стран:

– Где тут у вас женщина, которая воскресла?

Слышали об этом монахи, да подробно рассказать не могут: Клавдия Устюжанина в Сибири, куда иностранцам доступа не было.

Игумен Лаврентий и игумен Наум (сейчас они оба архимандриты) пригласили ее в Загорск – она нужна была как живой свидетель...

Собралось лаврское духовенство. Когда Клавдия, стоя на коленях, все рассказала старцам (она называла одного из них – архимандрит Серафим, имени второго я не знаю) – они плакали перед иконой Спасителя, просили Господа, чтоб Он весь мир оставил в мире для покаяния. Они почувствовали, что эта проповедь – живая, что свидетельство Клавдии Устюжаниной – послание с Неба на нашу землю, чтоб нас разбудить от греха, чтобы мы осудили свои греховные поступки и жили готовыми к встрече с Господом...

Клавдии Никитичне все тяжелее становилось жить в Барнауле. Но она не сразу решилась переехать под сень преподобного Сергия. Не стесняясь, она открыто рассказала мне о причинах такой неторопливости. Дело в том, что в первый приезд в Загорск ее кормили бородинским хлебом, который ей очень не понравился. Ведь она, работая продавцом, привыкла к белому сибирскому – пышному, душистому. И когда стали ее приглашать в Загорск жить – она (такая уж противная была!) не поехала... из-за хлеба. Через какое-то время приехала женщина с письмом из Лавры, чтобы помочь ей продать дом и хозяйство. Клавдия

опять не поехала – и опять из-за хлеба. И в третий раз отказалась переезжать. А потом задумалась:

«Поняла я после этого, что теперь враг будет меня выгонять! Вижу во сне: приходят две черные женщины, и у них рога на голове. Проснулась: думаю – Боже мой, что же со мной будет дальше? Вдруг после обеда приходят... две женщины – и прямо к столу. Разворачивают документы: "Распишитесь – вам письменное предупреждение, чтобы к вам никто ни шагу! А то какого-то Бога тут проповедуете". Я не знала этих женщин, но догадалась, что они из исполкома. Распахнула я двери и говорю им: "А ну-ка, давайте, уходите! Указывать мне пришли! Меня Господь воскресил, чтобы я всем об этом рассказывала. А из ваших предупреждений ничего не получится!"»

Клавдия была резкая, но справедливая – за словом в карман не полезет, всегда режет правду, как ножом... Ушли эти женщины, но пригрозили на прощание:

– Мы уйдем, но вместо нас другие люди приедут! Они с вами по-другому говорить будут. Понятно?

– Я все поняла: милиция приедет! – ответила им Клавдия и, почувствовав неладное, побежала к Агафье, которая жила через дорогу.

– Помоги мне собраться!

В чемодан вещи складывать уже некогда – побросали кое-как в мешок. Вдруг увидела в окно: двое милиционеров к дверям идут – значит, милиция уже приехала...

– Ой, Агафьюшка! Закрывай скорее меня в шифоньер!

Милиционеры заходят:

– Здравствуйте! А где хозяйка?

– Она в школу ушла, к Андрюше, – схитрила Агафья.

Они и ушли. Открывает Агафья шифоньер – а Клавдия вся взмокла от волнения.

– Слава Богу! Пронесло...

Надо выходить. А вдруг у дома караулят? Пришлось уходить задами, чтобы милиция не увидела.

Перехватила Клавдия Никитична Андрюшу по пути из школы – и, оставив домовничать соседа, поехали они в

Загорск. Спустя некоторое время купили домик в маленьком городке Струнино – невдалеке от Загорска. Там, под сенью преподобного Сергия, и жила Клавдия, благовествуя людям обо всем, что сделал для нее Господь, – четырнадцать лет жизни было ей даровано после неизлечимой болезни: рака с метастазами... А сыночка ее Бог призвал на путь священства – он закончил семинарию и Духовную академию в Загорске.

* * *

Как мне и было предсказано в 1948 году, мне довелось встретиться с Клавдией Устюжаниной всего пять раз. Три раза я был у нее в Барнауле. Два раза встречался в Струнине, когда был уже дьяконом, – приезжал со своим сыном Петром, он тогда как раз поступал в семинарию... Ну и Андрюша, которого я так полюбил, тоже священником стал – служит теперь в Успенском монастыре г. Александрова...

У меня, как я уже говорил, сомнений в воскрешении Клавдии никогда не было. Господь воскресил Клавдию Никитичну для поддержки нашей веры – это великая проповедь. Великая благодать посетила православных для подкрепления всех нас. Надо благодарить Господа за такой великий дар.

Но встречал я и другое отношение. Помню, рассказывал об этом случае одному человеку. Он был другом моего отца – хороший, образованный человек. Прежде в Бога верил. А в 30-е годы, когда разрушили церкви, веру потерял. Рассказал я про барнаульское чудо, а он и говорит мне:

– Ну, милок, хорошую ты сказку рассказываешь. Но я не верю, что есть Бог и что у человека есть душа. Умер, закопают – и все!..

А потом он сам умер. Где-то сейчас его душа? Молюсь за него...

Да, по вере каждому дается. *«Я не имела веры, а Господь меня пожалел»*, – часто говорила Клавдия Никитична Устюжанина. Будем и мы молить Господа о милости к нам, маловерным...

К КОМУ ПОЙДЕМ ЗА ПОМОЩЬЮ?

БЕСОВСКОЕ «ЛЕКАРСТВО»

Не дай Бог обратиться за «помощью» к врагу Божию. Сколько сейчас разных колдунов предлагают «подлечиться»! Они нас бесстыдно обманывают, от Бога, мол, наши «способности», говорят. А мы развесим уши – и слушаем. А потом люди в церковь приходят, жалуются:

– Батюшка, голова болит, печень болит, места себе не нахожу – будто какие-то змеи по мне ползают.

А бывает, и заживо гниет человек от их лечения. Про душу и говорить нечего. Вот что значит бесовское «лекарство».

Сколько же легковерных людей попадается на лукавую наживку! Когда в 1990 году я служил в храме Александра Невского в рабочем поселке Колывань под Новосибирском, ко мне пришел молодой парень, секретарь комсомольской организации:

– Батюшка, у нас несчастье! Девочки из нашего общежития, Юля и Ксения, купили в Новосибирске книгу «Черная магия», прочитали, как надо вызывать духов, и решили попробовать. И вот в прошлую субботу, в 12 часов ночи, они им явились: два страшилища, в грязной-прегрязной, заплесневевшей одежде, вместо зрачков угли. Как девушки нам рассказали, Ксения упала в обморок, а Юля начала молиться: *«Господи! Господи! Господи! Господи!»* Тогда эти «духи» задом попятились и ушли. После этого девушки целую неделю не спят, им снотворное колют, а они все равно заснуть не могут. Они уже на грани сумасшествия. Что делать, батюшка?

– Завтра воскресенье, – говорю, – приводи их с утра пораньше.

Комсорг привел этих девушек в храм в семь утра. Они не могли даже на ногах стоять. Только сядут – и спят. Неделю совсем не спали – представляете, что это такое? Но только заснут – сразу бесы перед глазами. На уроке падают от усталости, чуть задремлют – и опять та же страшная картина. Я их исповедовал и причастил.

После службы Юля спрашивает:

– Батюшка, а мы будем теперь спать?

– Будете, – говорю.

Ну а потом я к ним пришел, в общежитие школы механизаторов, где они учились на бухгалтеров. Ребята пригласили меня. Собралось молодежи человек 25. Я им рассказал, какие бывают грехи и как они действуют на душу человека. Потом спрашиваю девушек:

– Ну, как вы спали?

– Ой, батюшка, – говорит Юля, – мы шли из храма и дорогой спали, пришли домой – спали целый день и всю ночь, нас еле разбудили утром на уроки...

Подумалось мне, что очень этот случай поучительный. Пошел я в редакцию газеты, куда писал проповеди к праздникам, все рассказал.

– Да нам мало этого факта, – говорят.

Как мало? А два живых свидетеля? Какие же еще документы нужны? Так они и не написали о бесовском воздействии на душу. Ну, тогда еще советская власть была в силе, вероятно, они боялись. А объявления разных «целителей» печатались свободно.

«ПАСПОРТ» ВЕРЫ

Однажды ко мне на исповедь прибежала женщина – ревела, упала в ноги:

– Батюшка, хочу задавиться, отравиться! Такая тоска! Не знаю, что делать.

– Садись, – отвечаю, – расскажи, как ты жила.

– Страшно говорить: не жизнь, а помойка!

– Ну, так кайся. Ты крещеная?

– Да разве что крещеная! Жила – ничего не понимала.

Рассказала о своей жизни. Что уж там говорить – страшная жизнь без Бога. Поисповедовал ее, прочитал разрешительную молитву.

– Ходи в храм, – говорю, – попостись три дня, а потом придешь еще раз исповедоваться.

Пришла через три дня – принесла целую тетрадку грехов... Несколько раз приходила. И понемногу стала просветляться ее душа:

– Батюшка, какой я дурой была! Хотела задавиться, а теперь жить охота!

Это правда. Видите, как грех, как дьявол изматывает душу! До ненависти к жизни, Богом данной, ее доводит. А сколько сейчас людей страдают такими грехами? Конца и края нету!

В храм очень много болящих приходит. Всем совет даю – исповедоваться в грехах, причаститься и по 40 раз каждый день читать 90-й псалом («Живый в помощи Вышняго»). Эта молитва очень сильная. Меня дед и отец с матерью так учили молиться. Мы на фронте эту молитву читали – и такие чудеса с Божией помощи были! Болящим я советую читать эту молитву на память. Эта молитва имеет особую силу защищать нас.

Молитва и крест в самой безвыходной ситуации спасти могут. Когда я на фронте был, у нас рассказывали, как немцы однажды перед расстрелом велели пленным:

– Ну-ка, расскажи молитву!

Если человек читал «Отче наш» – его оставляли в живых. Если молитвы не знал, и креста на нем не было, – значит, коммунист, такого расстреливали. Разве это не напоминает мытарства? Там если ты верующий – знаешь молитвы, крестом можешь заградить себя. Крест – это «паспорт», что я верую во Иисуса Христа.

ВОТ КАК СМЕЯТЬСЯ НАД СВЯТОСТЬЮ!

Бывает, человек так помрачен лукавым, что не выносит даже места, где присутствует святость.

После большевистского переворота безбожники расстреливали священников в логу, в 6 километрах от станции Искитим, к югу от Бердска. На месте их мученичества забил источник, многие от него получали исцеление. Стал народ почитать это место, назвали источник Святой ключ.

Но нашлись люди, которые измывались над Святым ключом, заваливали его. А люди верующие им говорили:

– Будешь еще сюда ходить молиться и плакать!

– Да что ты – издеваешься? Конечно, не буду! – сказал один такой «борец с отсталостью».

А потом он тяжко заболел и его, действительно, привозили к Святому ключу на повозке. И он на колени встал, просил у этого ключа прощения, потому что он здесь матерился, смеялся, издевался над этим святым местом, где проявилась Сила Божия. И когда ничего не помогло в его болезни, его привезли к святому месту, где он кощунствовал. Поневоле покаялся тот человек – и вскоре исцелился. И тогда он только поверил в Бога, в благость Его. А был великий коммуняка. Вот что Господь может. Потому что Бог всем творит любовь, добро, а дьявол сеет смерть и зло. Все страшное сотворено самими людьми. В выборе между Богом и дьяволом – война духовная на земле.

БОЖИЯ ШКОЛА

К чему тянется наше сердце? К святой Божией благодати или к «благодати» бесовской, которая на вид-то заманчива, да за ней – погибель?

Знал я одного молодого парня Максима. Потянуло его каратэ заняться, пошел в клуб. Парень сильный, способный – ловко у него получалось кулаками махать. Приятели из его окружения только подхваливали:

– У тебя здорово получается, пойдем с одним мужиком разберемся...

И пошло – там ударь, тому поддай. Хотел он приятелям угодить из чувства ложной дружбы. Дело дошло до милиции. Выследили его и задержали. А приятели в стороне – бил-то Максим.

Понял парень, что ему грозит, заплакал:

– Папа, прости, мама, прости!

– В монастырь его! – решил отец.

Дескать: поработай, поучись жить. А там есть монастырь в 200 километрах от Томска. Отец с матерью повезли его туда. Перевоспитать духовно, чтобы он понял жизнь. Потому что это не жизнь – бить другого, это звериный образ.

Отец Иоанн, настоятель монастыря, побеседовал с Максимом минут 20, согласился оставить его.

Когда родители стали садиться в машину, Максим даже заплакал:

– Куда вы меня привезли? Зачем здесь оставляете?..

Он ни разу не видел монастыря. Лукавый так сердце его настроил, что все отвратительно здесь показалось. А в то время как раз начался покос.

– Максим, оставайся, с месяц побудешь, поможешь нам – увидишь, как мы живем, мы тоже люди, – говорят ему монахи.

Он остался, работал хорошо. А в монастыре ведь не курят, не обижаются друг на друга и сами никого не обижают. Понравилось ему, что братья там все время радостные, народ трудолюбивый и вежливый – ни разу хульного слова ни от кого не слышал, ни разу табака не нюхал.

Когда отец, как и обещал, через месяц приехал за Максимом, тот заупрямился:

– Не поеду домой, тут останусь, мне тут понравилось.

Какая перемена за месяц в человеке!

– Так тебя друзья ждут, – говорит отец.

Батюшка поддержал:

– Поезжай, Максим, с Богом. Побудешь дома, а потом по твоему желанию.

Он вернулся домой. И в первый же день все закрутилось: приятели, папироски, «разборки» и все такое. Наутро встает:

– Папа, вези меня обратно в монастырь, тут – дурдом.

Так и остался в монастыре. Вот как случилось: разбитной парень, а как прикоснулась душа к благодати, сразу получил исцеление от грехов, покаялся и многое в жизни понял. Это Божия школа, это Небесная школа.

КАК ЛУКАВЫЙ ГНАЛ МЕНЯ ИЗ ЦЕРКВИ

Лукавому ненавистна наша вера, и он находит разные хитрые пути, чтобы сбить нас с толку, посеять сомнения, а там глядишь – и своим рабом сделать. Не минуло это искушение и меня.

В начале 1950-х годов, когда родились у меня сыновья, я заболел. У меня была серьезная закупорка вен на ноге, а от операции я отказался – решил терпеть. Из-за болезни мог передвигаться только на костылях. Пришлось оставить работу продавца и заняться фотографией – нагрузка там была намного меньше. Переехали мы тогда с семьей в село Тогур. Там я работал в фотоателье и пел в церковном хоре. Конечно, находились такие, что надо мной смеялись. Настал такой трудный момент, что даже близкие друзья стали меня подкалывать:

– Ха-ха-ха! Хе-хе-хе! Он свечки ставит, Богу молится. Гляди, он водочку-то не пьет, он только церковное пьет!

Ну, и все такое говорили. Вроде бы и не страшно это для меня, а все-таки лукавый помысел влез в душу. Однажды вечером я помолился перед иконой и сказал так:

– Господи! Наверное, я не буду ходить в церковь, буду дома молиться.

Вот так заявил перед иконой, перед Богом. После чего лёг и уснул. И что вы думаете? Вижу во сне – иду, собираю

ягоды, потом набрел на кедрач. Какие-то ребята бегают вокруг меня. Я говорю им:

– Пойдемте орехи таскать, вон их тут сколько!

Только несколько шагов сделал – с востока ударила молния, потом другая, третья! И этот лес загорелся, как порох. Я как руки поднял, закричал:

– Господи, спаси нас! Прости нас, что нам делать?!

Сверху слышится голос – мощный, как гром:

– Молитесь! Вот так будет земля гореть – с востока на запад, с севера на юг. Молитесь!

И в третий раз прозвучало тише, уже так умиротворенно, умилительно:

– Молитесь...

А я все кричу, меня всего трясёт. Уж сколько минут длилось это видение – не знаю, только проснулся я весь в поту, даже вся рубаха была мокрая. Перепугался страшно. Бросился на колени перед иконами и из глубины сердца выкрикнул:

– Господи! Господи!!! Буду, буду ходить в церковь! Всегда буду – что бы ни случилось!

Ну, а потом я всю жизнь решил Богу посвятить. Меня рукоположили в диакона, а в 1976 году в Ташкенте – в священника.

Искушение вербовкой

Как раз во время моей болезни, когда я на костылях с трудом доходил до церкви, ко мне домой нередко приходили верующие. И начали за мной следить кагэбэшники. Однажды заехали на машине прямо домой. Все осмотрели, потом пригласили с ними поехать. В органах у нас пошел странный разговор.

– Валентин Яковлевич, зачем вы с церковью связались, что она вам дает? Мы знаем, как вы воевали, – ваши родители столько благодарностей получали! Вы – защит-

ник Родины, заслуженный человек, орденоносец! Сколько у вас воинских наград! Это даже в голове не умещается: вы — и церковь! Что она вам дает?

Ах, вон оно что! Вот почему взяли меня в оборот! Я отвечаю просто:

– Я благодарю Бога.

– За что?!

– За то, что живой остался.

– Так не вы один в живых остались – вон их сколько. Да только все не ходят по храмам.

– Так мне куда деваться-то? – доказываю им я. – Только в церковь – Бог меня спас на фронте.

– Но ведь многие спаслись! Сколько мы боремся с отсталостью – а вы, заслуженный человек, все еще в церкви. Разве не помните, что вашего отца сослали за церковь?

– Ну что же, – говорю, – и меня ссылайте...

Вот так вот и поговорили. Прощаясь, я им сказал:

– Вот когда душа ваша пойдет на Небо, а плоть зароют – тогда и в Бога поверите.

– Ого! Как на два метра зароют – вот и конец! – смеются следователи.

– Нет, только начало, – отвечаю. – Только начало будет.

Они меня даже фотографиями пытались смутить, которые они сделали в церкви. Но все равно я не испугался — чего бояться-то?

И прежде меня вызывали в «органы», когда в 1946 году работал в магазине в Макарьевке и в церковь еще не ходил, – не было ее в нашем селе. Приехал с фронта – мне даже отдохнуть не дали: сразу на фронт трудовой. Ну, я ж тогда еще молодой был, крепость во мне была. Поработал я месяц или больше – приходит комендант. Дождался, когда рабочий день кончился:

– Мне надо с вами побеседовать, Валентин. Нам нужен работник.

– Ну, так и ищите себе работника.

— Именно вы нам и нужны.

— Так я уже работаю, — говорю.

— А вы тут и останетесь работать, но нам помогать будете...

— А какая вам нужна помощь?

— Сюда приходят различные люди — есть те, кто жалуются, антисоветчики. Мы будем вам задание давать — узнать, кто они, о чем говорят.

— А вы сами их знаете? — спрашиваю.

— Знаем.

— Тогда какая же от меня помощь? Я товар взвешиваю, считаю. Если буду смотреть туда и сюда, тогда растратчиком стану. Вы ведь мне тогда не поможете!

Как ни уговаривал он, как ни грозил второго человека поставить (видно, для надзора за мной), — я ни в какую не согласился. Четыре раза он приходил — и все без результата. На пятый раз он устроил мне провокацию. Пришел вечером, когда в магазине никого не было, и просит:

— Взвесь мне три килограмма сахара, конфет, колбасы, запиши в долг.

— Как — записать?

— Ну, ты же директору школы записываешь, учителя у тебя все друзья — ты записываешь им. И мне запиши.

А сам наклоняется и... достает из-под прилавка тетрадку, в которую я записывал должников. Видно, кто-то донес ему...

— Ну что ж, — вынужден был я согласиться, — записываю: Кузьмин должен столько-то.

— Ну-ка, я посмотрю — правильно ли записал?

Берет тетрадку — и в карман!

— Вы зачем берете?!

Он будто не слышит. Говорит повелительно:

— Вечером зайдешь ко мне. Когда стемнеет.

Я не испугался: долгу там было немного. Но понял уже, что он задумал. Давай собирать отчет. Вечером пошел к коменданту.

– Ну, вот что, – говорит он, – я написал протокол, буду в суд передавать, что ты государственный товар раздаешь в долг.

Я смотрю ему в глаза:

– Знаете что, ведь вам я доверил – и вы такое будете делать?

– Нет, я буду передавать в суд! Распишись, что ты государственный товар давал в долг.

– Не буду расписываться! – говорю.

– Ну, тогда с нами работай...

«Ах, ты, – думаю, – *вон куда клонит».*

– Ну, так что – в суд передавать?

– Передавайте! – отвечаю. – Можно идти?

– Иди.

Только сделал шаг на улицу...

– Стой! Садись. Ну, что? Будешь помогать?

– Знаете что? Когда я на фронте был, помощи не просил ни у кого. Некогда было просить. А вы в тылу – и какую-то помощь просите... К тому же иудой я никогда не буду.

Он опешил. Помолчал, а потом снова приступает: то «отпускает», то вдруг снова «садись!», и судом грозит. Раз 20 так мне душу выворачивал. Такое вот дьявольское искушение.

Трудно ли было не дрогнуть? Я как-то не думал об этом. Если б на свои силы надеялся, может, и не выдержал бы – запаниковал. А так – будто волю свою отключил и только на Бога уповаю.

Когда в последний раз комендант спросил меня, передавать ли бумаги в суд или я захочу «спасти» себя, а я твердо ответил «передавайте», он вытащил протокол, порвал на клочки, показал мне обрывки:

– Вот твои документы! Давай руку! Люблю таких людей! – и как сжал мне руку.

Я только что не сказал ему:

– Ох ты, негодяй!

Но промолчал. Вот как их учат.

А потом приходит ко мне в магазин и говорит:

– Какие люди разные бывают, а?!.

Я встретился с этим комендантом почти 20 лет спустя, в Барнауле. Мы с Клавдией Никитичной Устюжаниной шли в церковь и столкнулись с ним лицом к лицу. Узнал он меня, хотя я уже был с бородой, засыпал вопросами. Ну, прямо как родной человек. В гости напросился к Клавдии Никитичне. А когда вошел в дом и увидел в углу иконы, то прямо опешил:

– Так ты что – верующий?

– Да, – отвечаю.

– Во-о-он ты какой... Не зря я тогда чувствовал, что ты какой-то другой человек, не такой, как все. Помнишь?

Как не помнить. Только вера и помогла вырваться из тех ловушек, что так умело и психологически точно расставлял лукавый руками этого кагэбэшника.

«НАМ НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ!..»

Бывает, в церковь ходят люди, которые нехорошими делами занимаются, – заговоры читают, «лечат», что-то «нашептывают».

На одну такую «бабушку», которая к тому же работала поваром, не раз жаловались прихожане: дескать, что-то недоброе делает, болеем от нее. Я, конечно, не мог знать, занимается ли она колдовством на самом деле, но раз зашел такой разговор, сказал на проповеди, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Счастливый тот человек, кто исполняет волю Божию. Но несчастлив тот, кто исполняет волю дьявольскую, например, воры, блудники, колдуны, чародеи всякие.

Эта женщина – Галина – во время проповеди в храме стояла. Вижу по ее лицу: сильно обиделась на меня, хотя я и не думал ее называть, но она-то, видно, себя узнала. Стала караулить, когда я выйду из алтаря, даже в шкафу пряталась. Будет так делать человек с чистой совестью?

Я молитву «Живый в помощи Вышняго» прочитал, перекрестился и вышел из алтаря. Галина из шкафа вылезает – лицо злое, старается перейти мне дорогу поперек.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь, – сказал я.

Она отскочила, как ошпаренная, побежала из храма.

– Вы исполняете свою волю! – сказал я ей вслед.

За руку, конечно, в таком деле не схватишь. Но, видно, она поняла, что Господь сделал явными ее черные дела. Проповедь попала в точку...

Молитва на таких людей действует, как огонь, – обжигает, они сами не свои становятся.

Еще во время моей жизни в Тогуре, когда я не был священником, а только пел на клиросе в храме Воскресения Христова, мне довелось столкнуться с одной такой женщиной.

По делам служебным зашел я в дом одного слесаря. Хозяйка, его мать, меня обедом угостила. Помолился я, сел за стол и по привычке про себя молитву читаю. Вдруг вижу, что с хозяйкой что-то неладное: из дома выскочила, потом бежит обратно, глаза навыкате, что-то шепчет, руками странные движения делает. Я спокойно сижу, ем, продолжаю про себя молиться. Она в горницу вбежала – и прямо ко мне. Я чуть отодвинулся и перекрестился. Вдруг посинели у нее губы, сама она побледнела и на бегу сквозь зубы выговорила:

– Никакого в этом толку нет!

– В чем? – удивился я.

– В колдовстве! – отвечает.

И падает без сил на лавку к печке – уставшая такая, подавленная. Пытается вскочить, убежать – и снова на место садится... Я чай допил, помолился, на иконы поклонился, а потом поклонился этой женщине. Как вскинет она руки в ужасе, как взвоет:

– Йы-ы-ы-ы-а-а-а-а!!!

Подхватилась – и бегом из комнаты. Господи, спаси меня!

Прошло месяца три или больше. В храме заканчивалась служба. Я, как всегда, пел на клиросе. Вдруг подходит та самая женщина – я сразу узнал ее. Стал молитвы читать. Вдруг она как бахнется в пол:

– Простите меня!!!

– За что простить?

Не отвечает, только плачет и все повторяет:

– Простите меня!

Несколько раз ее спрашивал:

– Вы за что просите прощения?

Она лишь плачет и все одно и то же повторяет. Я поднял ее и повернулся к выходу:

– Ну, раз не говорите – то я ухожу.

Она принародно – опять упала мне в ноги и плачет во весь голос, кричит *«Простите!»*, а за что – не говорит. Думаю, может, стесняется при людях, вышел с ней на улицу, отошли в сторонку.

– За что вы просите прощения? Как я могу простить, не зная за что?

Я уже все понял – и за что она прощения просит, и почему назвать своей вины не может. Не действует на православного человека ее «порча» – вот ей и тяжело. Все же я попытался вытянуть из нее признание. Сказал, что не могу простить ее неизвестно за что.

– Нам нельзя говорить!!! – вдруг закричала она.

– А чего – говорить нельзя?

– Так... Нельзя!

Тогда я напомнил ей, как она угощала меня (она до мелочей вспомнила, чем кормила), потом сидела у печки и вдруг сказала: *«Никакого в этом толку нет»*.

– Помните, что вы мне ответили? – напомнил я. – Когда я спросил вас *«В чем толку нет?»*, вы сказали: *«В колдовстве!»*

– Ой, нет, нет!!! Я так не говорила! – ойкнула женщина.

Я тогда выпрямился:

– Как – не говорила? Помнишь, чем угощала меня, – и не помнишь своих слов? А помнишь, как тебе плохо было, как после моей молитвы ты руки подняла – испугалась?

– Так это со мной так бывает... – протянула женщина.

Словом, ни за что не захотела сознаваться.

– Ну, ладно, раз нечего тебе сказать – как я тебе прощать буду? Грех твой остается с тобой. Ты не хочешь сказать Богу *«Прости мне, Господи»* – значит, Господь так тебе все твое и оставит. Вот твоя работа – вот твоя награда! За доброе – добро, за плохое – той же мерой.

Так и ушел. Колдуну покаяться невозможно – если только от бесовских дел полностью отречься, всей жизнью своей, кровью смертные грехи омыть. А эта несчастная душа каяться не хотела. И когда она умирала, то совсем сошла с ума. Прости меня, Господи, я не судья ей. Но все-таки что было – то и говорю. А рассудить надо. Не судить, а рассудить. Не осуждать их, не мстить – Боже упаси (ведь Бог пришел спасти всех, всех – и бесноватых тоже исцелить)! Но защищать свою веру мы должны. Не дай Бог обратиться к врагу Божию. Избави Господи попасть в их общество.

ДЕДУШКИНО НАСЛЕДСТВО

Мой дедушка Роман Васильевич любил молиться. Много молитв знал наизусть. Нередко читал он молитвы над бесноватыми: 90-й псалом, «Царю Небесный» и другие. Верил, что святые молитвы любому, даже самому болящему человеку помочь могут. Наверное, по его детски чистой вере и дал ему Господь такой дар, что заранее знал, когда привезут к нему бесноватого. Приведут в избу

связанного по рукам и ногам, а дед молитвы прочтет, святой водой покропит – и человек, который только что кричал и бесновался, становился спокойным, часа по 2 тут же спал после дедушкиных молитв.

Колдуны боялись моего деда. Он мог прямо обличить их. Недалеко от нас жил Гаврюха-колдун. Все его знали. Многие от него страдали и к деду за помощью шли. Не вытерпел как-то дедушка – пошел к этому колдуну:

– Гаврила Васильевич! Если ты еще будешь портить людей, я сейчас прочитаю молитву, после которой все дела твои падут на тебя, на твоих детей, на твой скот!

– Роман Васильевич! Прости – не буду больше! – засуетился колдун.

– Даешь слово?

– Даю.

Трудно сказать, знал ли дедушка какую-то особую молитву против колдунов. Думаю, вряд ли. Он читал обычные, всем известные молитвы, но с особым усердием и пламенной верой. Слуги нечистого это чувствовали и боялись благодати. Ну а то, что у колдунов в конце концов всевозможные беды начинались, падеж скота – так это по делам своим получали. Что сеяли – то и жали...

Именно дедушка Роман Васильевич научил меня, как лучше читать 90-й псалом – «Живый в помощи Вышняго». По 40 раз ежедневно, а людям больным, особенно бесноватым, лучше читать этот псалом наизусть. Я много раз убеждался в великой силе этой молитвы, если молиться с верой и сокрушением.

А пробовал ли кто-то когда-нибудь, хоть раз в жизни, – полный Псалтирь прочитать за день? Кто из нас так старался? За полный световой день прочитать полный Псалтирь – 20 кафизм. Я читал. Прекрасно. Легко. Прямо как будто из бани вышел – так хорошо. Попробуйте, люди Божии, найдите время и внимание. И читать надо не как-нибудь, как газету, а впитывать каждое словечко, размышлять – чтобы оно вошло в душу, освятило, очистило. Тогда вся бесовская сила из нас выскочит.

И хотя проповедь сатанизма сейчас работает на полную мощность, бояться ли нам сатанинских воздействий? Как часто наша грешная душа нас же мучает, открывает доступ врагу. Порой мы находимся даже под своим собственным проклятием. Но стоит отвратиться от зла и сотворить благо, как все сразу меняется. Ведь дьявол не может терпеть благодати.

ИКОНА – ЭТО ПРОПОВЕДЬ ДЛЯ НАС

«СЛАВЬТЕ МОЕГО СЫНА...»

Служил я тогда на окраине Новосибирска, в Первомайском районе, в Никольском храме. Увидел во сне Иверскую Афонскую икону – будто подхожу я к ней, а Царица Небесная и говорит:

– Славьте Моего Сына.

Когда стал священником, я и так старался как мог везде славить Господа. А после этого сна у меня появилось необыкновенное чувство ревности: нет сил молчать, хочу говорить всем о Боге. У меня такая энергия появилась, я всех бы, всех сейчас повернул к Богу!

До сих пор воспоминание о том сне наполняет меня необыкновенным благоговением. И думается: какая от всех нас ревность требуется, ревность за правду Божию, за чистоту, за любовь Небесную, которая всю нашу жизнь освящает.

КАК МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ АТЕИСТОМ РАБОТАЛ

Мой друг-одноклассник, Михаил Николаевич, с которым мы и учились вместе, и в армии служили вместе, по фамилии, как и я, был Бирюков. Наши деды были троюродными братьями – пятое или шестое колено. Работал он в школе в селе Колпашево Томской области преподавателем истории, а потом его взяли в пропагандисты. Атеистом работал – ездил по поселкам, по школам, по районам и всё антирелигиозные лекции читал. Против церкви пропове-

довал. А мамочка Анна и папочка Николай в церковь ходили. Начальство его было очень этим недовольно:

– Михаил Николаевич, ты человек передовой, читаешь лекции против Бога, а твои родители такие отсталые – в церковь ходят. Запрети им. Пусть тебя не позорят. А то придется тебя от лекционной работы отстранять.

Приехал он к родителям и стал их уговаривать:

– Мама! Папа! Прошу вас, не ходите в церковь. Из-за вас меня с работы могут снять.

– У тебя есть работа! – говорит отец. – Возвращайся в школу. Зачем ты согласился против Бога лекции читать?

А он свое: работа ценная, его возят на машине, он в почете, только «отсталость» родителей мешает.

– Миша, сынок, – отвечает мать, – ты не веришь – не верь, делай свое дело. А я как ходила в церковь – так и буду.

Так и не смог он уговорить отца с матерью.

Шло время. Отец умер. Тогда Михаил Николаевич решил хитростью отвадить мамочку от церкви. Решил ее в своей квартире поселить. Привез в гости:

– Вот, мама, твоя комнатка. Я все для тебя приготовил, чтобы тебе хорошо у меня жилось.

– Нет, Мишенька, не поеду к тебе жить! Ты ведь не дашь мне иконы повесить, свечки не дашь зажечь?

– Нет, мама, не дам...

– Тогда я лучше буду одна в своем доме жить.

– Ну, что ж, мама, живи. Только не ходи в церковь – прошу тебя.

– Нет, Миша, не проси. Как ходила, так и буду ходить.

Но пришло время – и мама умерла. Михаилу Николаевичу позвонили, он срочно приехал. Увидел мать под иконами – досада его взяла: придут, дескать, сейчас старухи со свечами да с молитвами, священника позовут. Взял тело матери на руки и понес к машине – похороню, дескать, по-своему. Только дошел он до двери – что такое: не видит ничего!

– Почему нет света? Где свет? – стал требовать.

А как ему поможешь? Это ведь не лампочку включить! Проверили – он не видит абсолютно. Под руки его увели, посадили в машину – и в больницу в Томск, в глазное отделение. Но профессора ничего не могли сделать, никакие лекарства не помогали. Зрение вернулось к Михаилу лишь когда матери 40 дней справили. Только тогда он начал нормально видеть, освободился от своей «странной» болезни. Когда прозрел и вышел из больницы – сказал:

– Теперь, как и мать с отцом, пойду в церковь.

Власти говорили, будто у него с головой что-то случилось. Но на самом деле он уже не смог больше «проповедовать» против Бога. Замолчал. Надо думать – после такого вразумления что еще можно сказать!

Это была истинная правда. Этот Михаил Николаевич до сих пор жив – живет в селе Колпашево Томской области.

КАК ИКОНЕ ГЛАЗА ЗАВЯЗАЛИ

...Когда мы на ссылке были и среди ссыльных начали колхозы создавать, из одного такого нового поселения надергали мужиков и стали строить конный двор – благо леса полно.

В дом к хозяйке, живущей по соседству со стройкой, приехал бригадир:

– Анна Ивановна! Тут рядом конный двор строят, мужикам обед будешь варить.

Привозили продукты: хлеба, крупы, моркови, мяса – и она кормила этих рабочих.

Подошел Великий пост. Привозят, как обычно, мясо, крупу – и все остальное. Анна и говорит:

– Да сейчас же пост Великий. Вы же верующие! Как же вы постом мясо будете кушать? Мне даже варить неудобно.

А бригадир ей:

– Не твое дело. Вари – мужики работают, их надо кормить. А сама не хочешь – не ешь!

Приходят мужики обедать – их десять человек было, а Анна уже наварила мясной суп, мясо приготовила. Приказали так. Но все же душа ее не на месте:

– Как вы будете есть? Ведь сейчас пост.

И ушла на кухню. А у нее икона над столом висела. Мужики вроде смутились. Один Иван нашелся – такой «смелый» – взял полотенце, залез на скамейку и смеется:

– А мы сейчас Боженьке глаза завяжем, и Он не увидит, что мы будем мясо кушать. Вот нам греха и не будет!

Словом, завязал иконе глазки. А хозяйка ничего этого не видела. После обеда этот «смельчак» стал развязывать икону со словами: *«Ну вот, Боженька ничего не видел!»* Анна Ивановна и увидала:

– Ты что делаешь, Иван, с ума сошел? Крыша поехала?! Проси скорей прощения...

Отругала его как могла. А Иван только смеется:

– Если Бог есть – пусть накажет меня. Вот у наших все отобрали, всех сослали – Бог никого не наказал. Ну, и где Он, Бог?.. Я не верю теперь, что Он есть.

Когда Иван пришел домой, то своей жене Евдокии рассказал, что он сделал.

– Ой, ой! Что ты наделал! Проси прощения! Кайся! – испугалась она.

А он ей те же слова повторяет, что за обедом сказал:

– А ежели есть Бог – пусть накажет меня.

– Да ты что такое болтаешь?! – жена начала плакать.

– Не плачь, Евдокиюшка, ну пострадаю так пострадаю. Зато буду знать, что Бог есть.

Вот до какого помрачения можно дойти – просить у Бога наказания!.. Так и лег спать Иван.

Утром хозяйка встает, на кухне свое дело делает. За ней встает хозяин, пытается лампу керосиновую зажечь, спичкой чиркает... Жена удивляется:

– Ты зачем, Иван, лампу зажигаешь? Ведь солнце уже подымается, совсем светло стало.

– Какое светло – темно!

Спичка у него в пальцах горит, а он ее не видит. Достает вторую спичку. Тогда жена отбирает спичку, зажигает перед его глазами и спрашивает:

– Ну теперь видишь?

А он только по столу руками щупает, где лампа стоит. Ни спички, ни солнца – ничего не видит. Черная ночь для него настала.

Жена затряслась, зарыдала: муж ослеп! Тогда Иван понял: Господь отнял зрение. Заплакал Иван: значит, Бог есть!

– Пойдем скорей в больницу! – говорит ему жена.

– Зачем в больницу? – отвечает Иван. – Бог меня наказал, больница не поможет...

Евдокия упала на колени, давай перед иконами просить за мужа.

– Что ты плачешь, – говорит Иван, – я же сам просил. Вот наказание и пришло.

А на следующую ночь он видит сон. Спаситель прямо с той самой иконы, над которой Иван надсмеялся, говорит ему:

– Ты мне глаза завязал – и Я тебе глаза завязал...

Вот так-то. А когда 40 дней прошло – отошли глаза. Видно, жена молилась усердно. А Иван таким проповедником веры православной стал – будь здоров!

Произошло это в 1932 или 1933 году на севере Томской области – в Нарымском крае, куда ссылали людей.

«НЕ МОГУ ЗАЙТИ В ЦЕРКОВЬ!..»

Сколько я повидал за годы моей службы различных паломников и исповедников – со всей России! С разными грехами приходят к священнику люди, но особенно горько бывает слышать о тяжких последствиях, какие бывают у тех, кто кощунствует или глумится над иконами.

Один такой случай произошел в Самарканде. Субботняя всенощная уже закончилась, народ расходился. В это время в дверях храма появился молодой мужчина, очень больной даже с виду. Лето, жара – а он в шапке, и все за голову держится. Прихожанка, которая прибиралась в храме, подошла к нему:

– Дяденька, освободите церковь, закрывать надо.

А он словно не слышит, к дверям прислонился. Усадил я его на лавочку, стал расспрашивать:

– Что с тобой? Ты болен?

– Голова болит, – ответил.

– Давно ли с тобой такое?

Он и рассказал свою печальную историю.

«Учился я в институте и очень стеснялся, что дома у нас были иконы – мама перед ними молилась каждый день. Я же не верил в Бога. Глупостью казалась "отсталость" матери. Сколько раз просил я ее:

– Мама, убери иконы!

– Да ты что, сынок, как можно говорить такое!

Долго я спорил с ней, но мать – ни в какую! Наконец, я решил больше не упрашивать ее, а просто убрать иконы. Так их спрятал, что никто не найдет.

Мама пришла с работы, глядь – икон нету.

– Володя, где иконы?

– Не спрашивай, мама, нету их.

– Куда ты их дел, Володя? Отдай, не бери греха на душу!

– Нету икон.

Как ни просила мать, не мог я ей сказать, что сделал с иконами. Она заплакала. Долго плакала. Умоляла:

– Отдай иконы!

Я молчал. Наконец, мать сказала сгоряча:

– Дурак ты, дураком и будешь!

Вот и все. Мне не по себе стало немного от этих слов. Но я храбрился, лег как ни в чем не бывало. Но в полвторого ночи проснулся от страшной боли в голове – так мне тяжко сделалось, что я схватился за голову и кричал во весь голос.

Мать вызвала “скорую помощь”, увезли меня в “психушку”. Шесть месяцев пролежал, как ни кололи — головные боли не проходят, и сам я вроде как умом повредился. Мать давай плакать, корить себя:

— Да зачем я так сказала на своего сынка?!

То в одну церковь бежит, то в другую — кается, просит прощения. А чего просить, если икон нет...

Наконец решилась, пошла в больницу, написала расписку, чтобы отпустили меня домой. А я дома больше половины месяца не спал. Не могу спать — и все тут. Никакие таблетки не помогают. Мне кто-то подсказал:

— Володя, ты в церковь пойди.

Вот я и пришел в церковь. Мне здесь легче — так спокойно стало. Можно у вас ночевать остаться?..»

Снял этот несчастный Володя шапку и стоит, упершись головой в дверной косяк. Все уже вышли из церкви, а он все стоит — будто уснул. Ему снова напоминают:

— Храм закрывается уже...

Он отошел на несколько шагов. А потом снова просит:

— Можно я у вас ночевать буду?

Ну, покормили его ужином, оставили на ночь. Потом еще на одну. И так он месяц жил при церкви — домой даже не думал появляться. В гараже ему постель устроили, поставили шифоньер, стол. Читал он много — ему книг надарили... А мать его потеряла совсем: и в «анатомичку», и в милицию, и в больницу обращалась — нигде нету. Опять плачет:

— Куда Володя девался?

В соседней церкви ей сказали, что сын в Георгиевском храме. Прибежала она к нам, залилась слезами:

— Володя, ты живой! Слава Богу! Я уж думала, что совсем тебя потеряла... Сыночек, прости меня!

— Мам, за все — слава Богу.

— Пойдем домой, сыночек.

— Нет, мама, не пойду. Мне тут хорошо.

Поплакали они вместе, а потом мать снова спрашивает:

– А все-таки, Володя, куда ты иконы девал?

– Ох, мама, их нету – не спрашивай больше об этом! – снова помрачнел сын.

Так три года он и жил при нашем храме. Но в сам храм не заходил – не смел. Однажды я попросил его:

– Володя, пойдем, поможешь мне помянники читать.

Он только через порог храма ступил – вздрогнул, будто его ударили, как за голову схватится:

– Ой!!! Батюшка, я не могу в церковь зайти!

И выбежал из храма. Только в церковной ограде мог ходить спокойно. Вот что значит – икона! Страшно не то что кощунствовать – без благоговения прикоснуться к ней.

ПРИМИРЕНИЕ С НЕБОМ

Это случилось в Томской области в Колпашеве. Одна девица, по имени Зоя, закончила 10 классов, получила аттестат зрелости. Пришли к ней три школьные подруги чайку попить. Увидели иконы – начали смеяться:

– Глядите-ка – иконы держат!

Хи-хи-хи да ха-ха-ха! Зоя смутилась, покраснела. Мать пришла с работы – дочь ей ультиматум:

– Мама, убирай иконы!

– Ты что, дочка?.. Ни за что я этого не сделаю.

Две недели шла борьба. Мать не уступает. Плачет от горя. А дочка вошла в богоборческий раж:

– Мам, тогда я эти иконы уберу сама!

– Уберешь?.. Тогда, доченька, я тебе горшочка ни разу не поднесу, пить не подам!

– Да что ты такое говоришь, мама?!

– Как мать сказала – так и будет, если иконы тронешь. Будешь лежать пластом на постели – парализует тебя. Тебе Царица Небесная отнимет ножки, отнимет у тебя разум – будешь как глупенькая лежать...

Зое стало не по себе. Но все-таки она не отступила от своих замыслов. Тогда мать начала акафисты читать. Она

работала сторожем – и по 3-4 акафиста за ночь успевала прочесть: Спасителю, Царице Небесной, чтобы вразумили ее дочку Зою.

– Царица Небесная, прости! – непрестанно взывала мамочка со слезами.

И однажды – прошло две недели или больше – в ночь с субботы на воскресенье дочь как крикнет:

– О-о-ой, мама! Давай крестик! Давай молиться! Скорей!!!

– Да что случилось, Зоюшка?

– Не спрашивай! Не расскажу. Страшно!

Надела крестик Зоя, встала на колени. Помолились вместе с матерью часа два. Немного успокоившись, дочь рассказала:

«Какая-то милая, хорошая монахиня, красивая-красивая, держит меня за руку и ведет на запад. Одета она в блестящее коричневое одеяние – такого дивного цвета на земле вообще нет. Вокруг – черная ночь. А там, где мы идем, светло, как при солнце. А откуда свет поступает – не видно. Долго шли мы молча. И подвела меня эта монахиня прямо к крутому обрыву, метров 15 глубины. А там темная, грязная вода, в которой плавают и крысы, и крокодилы, и какие-то гадюки. И люди среди этих гадов плавают. Человек вынырнет – а крокодилы за ним гонятся. Он ныряет – и крокодил за ним. Картина, конечно, ужасная. Но я сначала не поняла что к чему. Тогда эта женщина говорит мне:

– Ну, вот, Зоя, если будешь Бога гнать, то в таком месте будешь во веки веков».

Когда эта девица услышала, что эти ужасы касаются ее лично, проснулась да как закричала:

– Давай, мама, молиться!.. Давай мне крестик скорее!

Потрясло ее, как духовно страдают люди, которые борются против Бога – пусть даже словом. Встали они с матерью на молитву – часа 2 молились на коленях. И такое вдруг горячее желание появилось у Зои – молиться, немедленно пойти в церковь, никого не стесняясь...

– Пойдем, мама, в церковь!

– Рано еще, дочка, только 4 утра – поспи немного...

Всего два часа Зоя помолилась с матерью – а уж и слезы покаяния появились, и изменилась она, духовно совершенно другой стала. То против Бога шла, а теперь за Богом потянулась. Молитва – это проповедь великая!..

В 6 утра проснулась Зоя со слезами на глазах:

– Ой, мама, мама, ну зачем я проснулась?..

Пыталась снова закрыть глаза – нет, не спится.

– Что же ты видела? – удивилась мать. И Зоя рассказала...

«Ту же самую удивительную монахиню – но только вела она меня на восток, по дороге, прямой, как струна, сияющей стальным блеском и ровной, как стекло. Тихо шли мы, не торопясь – уже не тьма, а дивный свет кругом. Подошли к огромным резным вратам – красоты такой, что ни одному художнику не создать. Врата эти сами открылись перед нами и сами закрылись. А дорога идет вдаль через прекрасный сад, полный порхающих птиц, благоухающих цветов, необыкновенных плодов. На это невозможно смотреть без восторга! Смотрим – впереди показался золотой крест, послышалось дивное пение, несущееся из окон храма. Ой, как хорошо поют! Я слушала, слушала – и у меня слезы потекли от этой Благодати... Монахиня молча смотрела на меня, а потом спросила:

– Ну, как, Зоя, нравится тебе церковное пение?

Я смогла выговорить только:

– Ой, как нравится! Как хорошо!.. – и заплакала. И в тот же момент проснулась. Мама, мама, зачем я проснулась?!»

После этого Зоя стала ходить в церковь без всякого стеснения – никого не стала бояться... От самой Зои я и услышал эту историю.

Вот вам живая проповедь – как мать вымолила безбожницу-дочь. Сами-то мы, без материнских молитв, и не слышим обращенного к нам Божиего слова. Глухие сердцем бываем. А мать, Мария Ивановна, – она все глаза

выплакала, неотступно молилась, каждую ночь по нескольку канонов и акафистов читала за дочь.

А потом пришло время – мамочка умерла... Дочка осталась одна, и так уж случилось, что заболела она туберкулезом... А ее подруги – врачи, такие хорошие, заботливые, стали приносить ей лекарства, продукты. Зоя же решила:

– Господь дал мне болезнь – я должна ее терпеть!..

И все вспоминала, что она видела в небесном саду – такая там была радость, такой свет! Не мне судить, права она или нет, – но только не стала она лечиться, два года туберкулезом болела, а никакого лекарства в рот не взяла... А когда умерла – лежала в гробу со светлым лицом, будто восковая, легкая, неземная – примиренная с Небом, против которого она восставала по неразумию своему.

ИВЕРСКАЯ ВЕРНУЛАСЬ

Случилось это в феврале 1996 года на станции Болотное Новосибирской области. Двенадцатилетняя девочка Света страдала расслаблением рук. Сколько ни лечили ее в разных больницах – ничто не помогало: руки у нее не поднимались совсем, сильно болели, только кисти едва действовали, с трудом ложку могла удержать. Родители сокрушались, конечно, но не умели помочь девочке – Бога-то они, как многие при советской власти, не знали.

Как-то приснился Свете удивительный сон. Девочка потом рассказывала журналисту Сергею Панфилову:

«Увидела я во сне необычно красивую тетю в розовой блестящей одежде, в прозрачных туфельках розового цвета. Подходит она к постели моей и говорит:

– Света! Что же ты лежишь?

– Тетя, у меня руки сильно болят, – отвечаю.

– Света, встанешь утром – залезь на чердак, там под потолком лежит икона, завернутая в ткань. Приложись к этой иконе – и получишь исцеление».

Света проснулась – никому ни слова не сказала. С трудом залезла на чердак. Нашла сверток с иконой. Развернула, ахнула: ой, как женщина на иконе похожа на ту, что ей приснилась... Не зная, как надо прикладываться, только прислонилась к иконе – и почувствовала удивительное тепло. Появилось чувство, что руки исцелены. Решила испытать – и сразу же с радостью подняла свои руки, не ощущая прежней боли. Слезла с чердака, побежала к матери на кухню:

– Мамочка, смотри, смотри, а руки-то у меня поднимаются!

– Да быть не может! – не поверила мать своим глазам. Ведь врачи уже никакой надежды на исцеление не оставили. Никак не может мать поверить своей радости:

– Да как же это случилось, доченька?..

Света и рассказала матери про свой сон. Радуется девочка, без конца поднимает руки:

– Смотри, смотри, мамочка!

Мать заплакала:

– Беги за отцом, дочка!

Отец тут же прибежал из депо, где он работал. Достали спрятанную икону (56 лет она в пыли пролежала), вычистили, вымыли, вытерли – это был старинный Иверский образ Пресвятой Богородицы, 80 сантиметров в высоту, 65 – в ширину, написанный и освященный на Афоне в 1909 году. Поклонились родители Матери Божией, помолились, как умели, поплакали. Образ в красный угол повесили.

А на следующую ночь Царица Небесная снова явилась во сне Свете и говорит:

– Скажи, чтобы отнесли икону в Мой храм.

Света когда проснулась, тут же об этом маме рассказала. Тогда отец Светы взял икону и пошел в ближайший храм святителя Николая, рассказал отцу Анатолию все, что случилось и что повелела его дочери в сонном видении Матерь Божия. Отец Анатолий глянул на икону и говорит:

– Невдалеке от нас, на станции Мочище, есть храм в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница».

Тут же позвонили настоятелю этого храма отцу Геннадию, сказали: ждите, часа через три привезем к вам чудотворную Иверскую икону, которую Сама Богородица повелела отнести в Свой храм. С молитвами, с песнопениями взяли икону на руки и повезли на электричке. Встречали ее на вокзале больше сотни прихожан со свечами в руках. Торжественно препроводили святыню в храм. И кто в тот день прикасался к этой иконе – не знаю, какая уж у них вера была, но все, по великой милости Божией, получили исцеление! Случай этот стал широко известен во всей Новосибирской области. Приезжала съемочная группа с телевидения, рассказывали про исцеления больных. А после телепередачи сколько народу перебывало у иконы – не счесть! Несколько недель источалось миро от этой Иверской иконы, писанной на Афоне, которая пролежала на чердаке 56 лет невредимой в годы гонений на веру. Она была обретена, чтобы явить нам чудо и подкрепить нашу веру.

Я каждый год езжу в Мочище, где находится чудотворная икона, люди до сих пор получают от нее исцеления от различных недугов, в том числе и онкологических.

И мы должны не забывать благодарить Господа за это. Это благодать Божия посещает нас.

Сейчас много подобных случаев – явлений мироточения, слезоточения, кровоточения икон. У нас в Новосибирске в Великий пост появлялись натуральные слезы на иконах Божией Матери и Спасителя. Их брали на анализ и убеждались: слезы, и ничто иное! Все гадают, что это может значить. А я так думаю: когда икона плачет – это проповедь для нас, чтобы мы позаботились о покаянии.

СОВРЕМЕННЫЕ ИКОНОБОРЦЫ

Всего этого не слышат, не хотят услышать соврем0енные иконоборцы – протестанты, которые святую икону называют идолом, смеются над ней. Я сам лично слышал такое не раз. К нам сейчас в Новосибирскую область различные проповедники иностранные (или иностранцами обученные) приезжают, над иконами глумятся. Лет 8 назад один такой пришел в наш храм в Бердске, поздоровался за руку – и, как говорится, вопрос в лоб:

– Скажите, батюшка, почему вы идолам поклоняетесь?

– Как звать-то тебя? – спрашиваю

– Геннадий.

– Геннадий, я старик, слепой, не вижу, а ты молодой, у тебя глазки зрячие, ты покажи – где ты идолов увидел в церкви?

Он показывает на икону Царицы Небесной. У меня даже руки опустились. Нехорошо мне стало. Говорю ему:

– Слушай, Геночка! У тебя мамочка есть?

– Есть.

– А мамина фотография?

– Есть, конечно.

– Ты где живешь?

– В Новосибирске.

– Ну, так ты, Геночка, когда домой приедешь, возьми фотографию мамы, подойди к мамочке и говори: *«Мам, а вот это – идол!»* Что она тебе скажет?!

Он только глазами заморгал...

– Ну что, говори, идол это?!

Замолчал «проповедник».

– А паспорт у тебя есть, Геннадий?

– Есть.

Взял я паспорт и на его фотографию показываю:

– Ген, вот это идол!

– Так это же человек, – сказал он, смутившись.

– Ах, человек? Значит, не можешь на свою фотографию сказать, что это идол?

– Нет!

– А ты знаешь, на Кого показал на иконе?

– Вы называете ее Царицей Небесной, а она такая же женщина, как все, у нее много детей было, – и давай куролесить, все сектантские басни выкладывать.

– Да ты, видно, не знаешь, чья Она Мама? – спрашиваю я.

– Знаю. Мать Иисуса.

– А почему же ты на свою мамочку не можешь сказать, что она идол, а на Мамочку Иисуса, Которого ты проповедуешь, ты дерзко говоришь, что Она идол? Этот портрет – Ее личность! Ты знаешь, что позоришь Иисуса Христа? Какой же тебе благодати Христос даст, если ты Его Мамочку называешь идолом?

И замолчал он... Долго мы с ним сидели, разговаривали.

– Вы и креста не признаете, – говорю ему.

– А зачем? И где написано, чтобы креститься? Ведь Иисус Христос креста не носил, только вы крестик носите!

– Как не носил?! Он – основатель крестоношения, Он нес деревянный крест на Голгофскую гору, на этом кресте Его распинали. Знаешь?

– Знаю.

– А ты говоришь – не носил! На этом кресте Он победил смерть. Вот мы и носим крест в знак Его любви, в знак Его победы над смертью. Крестик этот – оружие против врага. Мы этим крестом тоже побеждаем – всякие лукавые мысли отгоняем. Вы крестов не носите и не креститесь, а мы крестимся – во имя Отца и Сына и Святаго Духа, – и я начал осенять себя крестным знамением.

Как вскочил сектант, как бросился бежать от меня. А я, хоть и старик, но догнал его:

– Ты что, Геннадий, убегаешь?

– Так ведь это же смерть! Крест – это смерть! – говорит он мне.

– А ты видишь меня – я хоть и старенький уже, немощный, но живой. Сколько я крестился – всю жизнь, с самого детства, и крест ношу, и на фронте был – но не умер! Кто тебе сказал, что это смерть?

– А нас так учат...

А у самого все руки исколоты наколками – ну прямо как перчатки разрисованы.

– Что это с твоими руками, Гена? – спрашиваю.

– Я в лагере сидел два года, там нечего делать, кололись – я весь исколотый...

Расстегнул он рубашку, показал – а там «свитер» целый на теле выколот. Вот сектанты и ловят таких, воспитывают. И литературу бесплатную дают, посылки контейнерами присылают из Америки, из Англии, из Германии – лишь бы души их заполонить.

Такую же сатанинскую ненависть к иконе и кресту проявляют иеговисты. Сам наблюдал. Как-то позвонила мне в квартиру одна шустрая девица:

– Идите скорей на детскую площадку, там сейчас проповедь говорить будут.

Вышел я на площадку, смотрю – молодые люди сидят на скамеечках. Я говорю:

– Как приятно, молодые люди речь ведут о Боге...

– Да, дедуль, – отвечают, – сейчас будем проповедь читать, только все дома обойдем. Через 15 минут начнем.

– Что же вы читать будете? – спрашиваю.

– Пророка Моисея.

– Вот как хорошо. Ну а в церковь вы ходите?

– Нет пока, мы еще только собираемся церковь строить.

– Какой же вы веры?

– Православной.

– Я вас ни разу не видел в православной церкви.

– Так мы туда не ходим, мы – иеговисты.

– Зачем же вы обманываете людей, говорите, что православные? Люди разобрались в вашем обмане. Смотрите –

уж полчаса прошло, а никто на вашу «проповедь» не идет, ни одного человека.

Начал задавать им вопросы. Им отвечать нечего.

– О, да вы знаете Священное Писание! – говорят.

– Еще как! Только в отличие от вас мы крестимся – вот так, – и только я стал осенять себя крестным знамением – сектантов как ветром сдуло. Бегут и оглядываются на меня. Я говорю:

– Вон вы кто, креста боитесь!

– Дедуль, так это же смерть...

Не стал я спрашивать, кто их этому научил, – и так понятно. Вот уже второй сектант сказал, что крест это смерть. Это мнение бесовское, сатанинское. Всё это борьба против Креста. Надо защищать Крест и икону. Быть солдатами Небесного Отечества.

ОРУЖИЕ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Эта жизнь, Богом данная, настолько драгоценна, что мы должны ценить ее, дорожить ею и радоваться без конца. Ведь Бог сотворил мир для радости, для добра, для любви, чтобы мы как дети радовались, играли, веселились. А у нас нет такой радости. Я вот только радовался в жизни, когда окончилась война.

А сейчас война еще не кончилась. Она идет, продолжается. По всей России – духовная война. Это-то мы видим. И будущее страшит нас ужасно. Как дальше жить? Везде обман, насилие различное, убийство. Что нам дети скажут на это? Могут ли они нам сказать благодарное слово за то, что мы приготовили им для жизни? Ничего умного, ничего доброго нет. Все одно – папиросы, хуление, насилие, нравственная грязь. Мне даже страшно порой, что мы с нашими детьми делаем.

Однажды во время встречи в школе один мальчик спросил меня:

– Батюшка, а почему нам теперь стали говорить, что Бог есть? Ведь нам все время говорили, что Бога нет. Что Он – в отпуске что ли был, Бог?

Видите: до чего нам мозги туда и сюда крутили, детей замучили. Как же не защитить нам таких обманутых деточек? Не рассказать им о правде, о курсе духовной науки?

Так что наша жизнь – это школа, и школа, и школа. Гонение на Православие – оно от сотворения мира. Оно было и в революцию, и в сталинское, и в хрущевское время. И всегда человек стоял перед выбором. И сейчас стоит, хотя гонений внешних нет. Но гонит враг наше сознание христианское, совесть нашу теснит, чтобы мы дрогнули,

чтоб с креста, данного нам Господом, сошли. А выбор — он всегда перед нами. Или Христос — или дьявол. Другого нет.

Вспомним и осознаем, как нас искушали, что было — прежде и теперь. Это все наши экзамены на то, какие мы христиане.

«КОММУНИСТ, ДАЙ НАМ ХЛЕБУШКА!..»

В начале 90-х годов около года я служил в рабочем поселке Колывань, под Новосибирском, где работал на восстановлении храма Александра Невского. Один работник местного поссовета рассказал об обмане, который придумали коммунисты в первые годы советской власти, чтобы отвратить детей от Бога.

Человек этот был тогда совсем малышом, ходил в детский сад, который устроили в доме сосланного священника. Время было голодное — хлеба не было. На втором этаже батюшкиного дома был резной тесовый балкончик. Туда поставили корзину с нарезанными кусками хлебушка, привязали к корзине веревку, посадили туда человека. А внизу гуляли дети — двенадцать или четырнадцать малышей. Ребятишкам снизу этих приготовлений к «спектаклю», конечно, видно не было. И вот один «агитатор» так заговорил с детьми:

— Детки, вы, наверное, кушать хотите? Да? Тогда кричите, громко кричите: *«Боженька, дай нам хлебушка!»*

Детки, конечно, кричат, стараются.

— Ребятки, Боженька вас не слышит, еще громче просите!

Дети громче выкрикивают:

— Боженька, хлебушка нам дай!

— Почему же Боженька не отвечает? — спрашивает тот «агитатор». — А может, никакого Боженьки и нету вовсе? А раз нету — никто вам хлебушка не даст... А теперь кричите: *«Коммунист, дай нам хлебушка!»*

Они только крикнули – как сверху, с балкона, опускается на веревочке корзинка с хлебом, как бы сама собой.

– Вот видите, дети: никакого Боженьки нет, а есть коммунисты! Нате, дети, кушайте! Будем теперь жить с коммунистами, а Бог нам не нужен.

На деток малых тогда этот дешевый прием безбожной «проповеди» произвел впечатление, тем более что тогда кусок хлеба дорого стоил.

Но что сейчас нас, взрослых и умудренных, заставляет верить, когда, как и в прежние времена, нам лгут о Боге? Скольким таким обманам мы готовы верить? Лукавые заморские проповедники, всякие «благодетели» травят нам души своими байками, а мы искренне считаем, что они хотят просветить нас. Строители глобалистского мира внушают нам, что христианство устарело, и мы верим, что оно мешает благоденствию. Поверим ли новым льстивым словам против Христа? Предадим ли веру и родную жизнь? Вот выбор для каждого из нас.

«СНИМИ КРЕСТИК!..»

Может, и очень скоро, настать время, когда каждого из нас спросят: в кого веришь? Исповедуем ли тогда Христа безбоязненно? Или отречемся ради сытости и спокойствия?

Для укрепления в вере нам почаще надо обращаться к жизни исповедников, потерпевших за веру.

Во время моей службы в Самарканде я познакомился со старым священником отцом Кондратом и псаломщицей Агриппиной Ивановной Меленчук. Удивительны их судьбы. Оба из Белоруссии. Оба старенькие. Оба калеки. Оба по 10 лет отсидели. Что они земляки, узнали в храме: батюшка обратил внимание на седенькую старушеньку Агриппину Ивановну – пела она хорошо. Такой дивный голосок у нее был! Поставил псаломщицей.

Агриппина пострадала за крестик – то есть за крест Христов, который она не сняла даже перед угрозой тюрьмы

и ссылки. Родителей ее — «врагов народа» — арестовали, ее же отдали в детдом. Когда выросла, устроилась работать в Минске на ткацкую фабрику. Мастер ее цеха заметил, что носит она крестик, подошел к ней:

— Агриппина, сними крестик.

Она молчит — ничего не сказала. Мастер и на другой день к ней с тем же требованием. Она опять ничего не ответила и крестик не сняла, хотя могла, как многие, для вида снять или запрятать куда-то. На третий вечер мастер говорил с ней резко, почти кричал:

— Агриппина, ты почему крестик не сняла?!

Вот так, значит. Помешал им крестик. Она опять ничего не ответила. На четвертый вечер ее вызвали в контору. В кабинете директора сидели два человека в черных кожаных пиджаках.

— К нам поедете, — сказали ей.

Та было упираться. А директор успокаивать стал:

— Да поезжай, Агриппина, что ты — боишься, что ли? Ведь никуда не денешься — привезут тебя обратно...

Когда за машиной закрылись двое железных ворот, сердце у Агриппины стукнуло: *«Ой, куда привезли?»* Закричала:

— Отпустите меня!

Да уже поздно было. Усадили арестованную за стол — и пошли допросы: где родилась, кто родители, родные — всю подноготную выспрашивали. Следователи менялись один за другим, начиная сначала одни и те же вопросы задавать, а она все это время на табуретке сидела. Тогда она говорит:

— Так сколько вы манежить меня будете? Я есть хочу!

Принесли ей кусок хлеба и кружку кипятка. Потом крестик увидали. Потребовали:

— Сними крестик!

— Нет, не сниму — я крещеная.

Настаивать не стали, но подошли трое охранников:

— Снимай платье!

— Нет! Убейте — не сниму платье! Я девица.

Бесполезно протестовать. Грубо осмотрели ее: нет ли каких пятен на теле, родинок, бородавок – особых примет на случай побега. Она тогда все еще не поняла, к чему дело идет. Потребовала после допроса:

– Везите меня домой!

– Куда тебя ночью везти? Отдохни у нас.

Завели ее в кладовку, где хранились доски, уложили на голый деревянный топчан. Уснула она крепко – намучилась на допросах. Утром соскочила, хотела свой крестик поцеловать, хвать – а крестика нет. Шарила, шарила – нигде нету. Ночью, пока она спала, пришли и сняли крестик.

На фабрику Агриппина так и не вернулась. Ее без всякого суда отправили в заключение на 10 лет в красноярскую тайгу. За что – никто не сказал. Приговора не было. Десять лет проработала на лесозаготовках. А после освобождения поехала не в Белоруссию, а в Узбекистан, где и познакомилась со своим земляком, отцом Кондратом, стала псаломщицей.

А батюшка был поистине чудотворцем. Под конец жизни высох совсем, тяжело ему стало. Матушка Агриппина слышала, как он встал перед иконами (а икон у него было – от пола до потолка!) и попросил:

– Господи! Благослови меня умереть безболезненно!

– Батюшка, ну что ты делаешь, чего ты просишь? – говорит ему Агриппина. – Зачем смерти просишь?

– Мать, я устал. Не могу. Тяжело. Ну, куда я – старый? Пора умирать, – отвечает отец Кондрат и снова молится, – Пресвятая Богородица! Помоги мне умереть безболезненно...

Только к иконе подошел – как упал и умер. В 1977 году это было. Позвонили мне – я приезжал на похороны. Тогда матушка Агриппина все и рассказала – про него и про себя. Какую она школу жизни прошла. 10 лет в лесу провела – за то только, что крестик носила.

Кто-то крест, как украшение, в ушах носит – смеется над святыней, а есть певцы и певички – и вовсе непристойно с крестом обращаются, кощунствуют. А простой

русский солдат Евгений не снял креста, как того от него требовали в обмен на жизнь, и принял мученическую смерть от руки чеченских бандитов. И сегодня живо исповедничество в сердцах православных.

«ТЫ ОПОЗОРИЛ НАС...»

Трудно верующему ребенку учиться среди атеистов, особенно если неразумные учителя во что бы то ни стало хотят заставить его отречься от Бога. Но Бог и детям дает силы для исповедничества.

Вот какая «битва» происходила в конце 60-х годов вокруг моего старшего сына Володи, который учился в Колпашеве с 1-го по 10-й класс в школе № 3, на одни пятерки, четверки бывали лишь изредка. Все эти годы был он старостой в классе. Все учителя и школьники очень его уважали. Он на олимпиаде по математике занял первое место в области. На всех собраниях только и слышали:

— Володя... Володя... Такие успехи...

Говорю это не для того, чтобы похвастаться. Дело в том, что сын никогда не выставлял напоказ свою веру, потому директор и не подозревал, что гордость школы, будущий золотой медалист (об этом все в школе говорили открыто), на самом деле «отсталый человек», как тогда говорили о верующих. Но, видно, пошли какие-то разговоры, или кто-то сказал директору, что лучший ученик, оказывается, «мракобес» — в церковь ходит. Как бы то ни было, но во время сдачи экзаменов директор школы Анатолий Иванович вызвал Володю к себе в кабинет и задал странный вопрос:

— Володя, какая разница между космическим кораблем и церковью?

— Анатолий Иванович! Вы не по теме задали вопрос, — не растерялся Володя, чувствуя, видимо, подвох.

— Как не по теме?

— А мы не проходили ни церкви, ни космического корабля. У нас не было таких предметов.

Последовала пауза. Затем директор, выйдя, видимо, из терпения, спросил в лоб:

– Ты, наверное, крестик носишь?

Тогда Володя вытащил из-под рубашки крестик и показал ему. Анатолий Иванович начал ерзать по креслу, побледнел:

– Ты опозорил нас, убил! Теперь наша школа пропала...

И давай допекать сына, попрекать его:

– Ишь ты, за лестницу прячешься в церкви, а люди все равно видят тебя, знают, что ты за лестницей на коленях молишься!..

Целый час его мучил. Володя в директорском кабинете крепился. А когда пришел домой, у него хлынули слезы. Портфель – в угол, сам бросился на диван. Я уж на что глухой – артиллерист – и то услышал, как стучит его сердце. Подошел к нему и вижу: лежит Володя на диване, а на нем рубашка прыгает – так сердце колотится, что готово из груди выскочить. Мне стало жутко. Я бросился к нему:

– Володя, ты что? За тобой гнался кто-то?

– Нет.

Мать подошла:

– Володенька, сынок, что с тобой такое?

Долго молчал – ничего не отвечал. Потом тихо говорит:

– Анатолий Иванович ругал меня за церковь.

– О-о-о!.. Так вот, сынок, что скажу тебе. Ты Библию читал? Знай, что как на Христа было гонение, так и на тебя будет гонение. За веру. Приготовься.

Мать намочила полотенце холодной водой, смочила сыну лоб и грудь под рубашкой. Он даже не мог сидеть от потрясения – так его, совсем еще ребенка, жестоко били словами, унижали! Он ведь до этого случая ни от кого не слышал никакого грубого слова.

Немного успокоившись, Володя сказал:

– Мам, Анатолий Иванович велел, чтоб ты завтра к двенадцати часам подошла к нему в кабинет.

Жена моя, Антонина Яковлевна, пришла назавтра в школу – а в директорском кабинете девять человек собрались, что-то вроде педсовета. Директор начал с обвинений:

– Антонина Яковлевна! Почему вы детей калечите?!

Завуч предлагает:

– Надо лишить ее материнства!!!

Жена моя выпрямилась, чуть не заплакала:

– За что?!

– А за то, что калечите детей.

Тогда она отвечает им:

– Не вы ли на каждом собрании говорили: *«У Володи по учебе и поведению пятерки одни»?* Вы сами – не я – представили его к золотой медали за усердие, несмотря на то, что он не был пионером и комсомольцем. Вся школа знает об этом. Так за что же вы хотите лишить меня материнства? Чем я искалечила сына?

Им нечего ответить, только поддакивают друг другу: *«искалечила сына»* да *«лишить материнства»*. Тогда жена раскрыла сумочку и стала записывать. Анатолий Иванович спрашивает:

– А что это вы пишете?

– Я вас переписываю – тех, кто хочет лишить меня материнства.

– Зачем это?

– Буду подавать жалобу в Москву.

Тогда Анатолий Иванович забеспокоился:

– Обождите, мы разберемся здесь, на месте...

Сразу смягчились и начали говорить по-хорошему. Но на этом история не закончилась. Когда был выпускной вечер, то всем аттестаты выдают, а Володе – нет. Собрание заканчивается, всех приглашают к столу. Тогда школьники закричали:

– А почему Володе ни медали не дали, ни аттестата не отдали?!

Володя не растерялся и не испугался, ничего не требовал. Понимал, что к нему такое отношение из-за церкви.

Но когда он пришел в 4 часа утра с выпускного вечера, то показал мне аттестат – отдали все же, только тихо, не при всех. А насчет медали директор даже не заикнулся. На другой день Володя пошел с матерью вместе к директору, и тот объяснил – не имели права вручить золотую медаль, потому что Володя в церковь ходит, а мы боремся с церковью. Так медаль и не отдали...

Господь помогал Володе – он окончил два института, отслужил в армии и все-таки пришел служить в церковь, стал священником – сначала в Томске, сейчас в Новосибирской области. Преподает в Богословском институте. К нему очень хорошо относятся прихожане и студенты.

«ЧТО ВАШ КРЕСТ СО МНОЙ СДЕЛАЕТ?!»

В Новосибирске в храме Всех Святых в годы богоборчества был клуб и кинотеатр. Зал огромный. Но стала безбожная «культура» в упадок приходить – мало народу ходило в этот кинотеатр на святом месте.

Семь лет назад вернули здание церкви. Возобновилась служба. И повалил народ в храм. В притворе устроили прилавок – метров шесть длины, где выставили под стеклом иконочки, крестики, различные книги духовного содержания. А бывшая директор клуба стала продавцом этой небольшой церковной лавки.

Как-то днем, когда служба уже закончилась, народу в храме не было, зашли три парня. Вели себя очень дерзко – даже шапок не сняли. Один из них с вызовом спрашивает продавщицу:

– А где здесь церковь сатанистов?

Женщина так и обомлела: как она, пенсионерка, справится с ними, если они вздумают учинить какое-нибудь кощунство? Батюшке в алтарь не крикнешь – далеко. А парни со злобой подступают к ней:

– Понавешали тут идолов!

Это они на святые иконы так говорят – идолы. Тут взгляд одного из парней упал на крестики на прилавке под стеклом, и он начал куражиться:

– Ну, вот, тетка, знай: я – сатанист! И что ваш крест со мной сделает?! Дай-ка его сюда!

«Господи, помоги! – взывает она мысленно. – *Схватит крестик, убежит, а я его не догоню... Защити, Господи!»* Вдруг так спокойно ей стало, достала она совсем небольшой крестик. Только захотел взять его этот парень, только святыня слегка коснулась его ладони, как он подскочил, будто его током ударило, взревел, а потом закричал – во весь голос, на весь храм:

– А-а-а-а-а-а!!!

Священник, иеромонах Феодосий, выскочил из алтаря:

– Что за крик?

Продавец объясняет:

– Вот эти трое сатанистами себя называют, шапок в храме не сняли, дерзили, требовали дать им крестик, посмеяться хотели, но только я коснулась крестом его руки, как он затрясся, закричал, будто сумасшедший.

Отец Феодосий крепкий был, схватил парня за согнутую руку, выпрямил ее – а на ладони, на том месте, где крестик ее коснулся, кожа вспухла и стала сине-багровой, как от ожога. И руку у него судорогой свело, аж перекрутило, будто выворачивает ее какая-то сила. Батюшка уж отпустил этого парня, а он все равно кричит без умолку. Тогда двое дружков подхватили его под руки и увели на улицу...

Вот какую силу крест имеет. Господь показал это парню, который сам себя назвал сатанистом и похвалился самоуверенно: *«Что ваш крест сделает со мной?»* Но даже прикосновения к маленькому нательному крестику не выдержал – страшный ожог получил.

Этот маленький, казалось бы, случай – живая проповедь для нас. Потому и ведется борьба против креста, что невыносима его сила для тех, кто служит дьяволу. Дьявол против креста бессилен, потому что крест – это оружие нашей победы.

Послесловие

ЗАЩИЩАЙТЕ ЛЮБОВЬ НЕБЕСНУЮ

Таких примеров, о которых я рассказал, много и много было в жизни. Но все ли хотят слышать и извлечь для себя урок?

Чаще мы ищем не спасения души, а благополучия земного. Ропщем на скорби, хотим мир построить на земле. Но на земле мира никогда не было и не будет. Потому что земля — это военный полигон. На ней идет видимая и невидимая брань. Война духовная совершается в сердцах наших.

Многие сейчас страшатся времен антихриста. Но надо помнить, что страшное будущее — оно будет сотворено самими людьми. Бог же всегда творил любовь, добро, а смерть и зло сеет дьявол. И Господь победит это зло, и никакие антихристы христианину не страшны, если он всем сердцем уповает на Господа.

Многие назначают год конца света. А кто, кроме Господа, знает, когда это будет? Потому мы должны всегда быть готовы к этому концу.

Я тоже, конечно, думаю об этих временах. Понимаю: все в руках Божиих. Но если будет Его святая воля, желал бы дожить до Второго пришествия. Почему? Потому что я знаю — скорби предстоят тяжелые. Я эти скорби покушал. Всё-всё пережитое для души пригодилось — и опыт жизни в ссылке, и преодоление бедствий войны и блокады. Я уже прошел этот курс науки и радуюсь, когда удается всё претерпеть с Божией помощью.

Но людям трудно бывает переживать напасти. Им нужна помощь. Всем — и слабым, и сильным — надо напоминать, что Господь поможет всегда. Испытавши все плохое, надо людям помогать. Я знаю вкус горя, учился сочувствовать ближним, понимать чужую скорбь. В скорбях — нынешних и грядущих — надо особенно учиться любить ближних. Не надо их обижать. Мы должны посещать с любовью Христовой каждый каждого, всех. Молиться за немощных в вере. Всё преобразить этой любовью, которую заповедал нам Господь.

Борьба, война, брань невидимая со злом за жизнь вечную — она всегда идет. Так что, милые детки, милые люди Божии, будьте солдатами, защищайте любовь небесную, правду вечную. А Господь нам все приготовил — «от» и «до». От нас только зависит, как мы будем себя готовить, как мы будем защищать и исполнять Закон Божий, как будем каждую минуту, каждый час защищать этот небесный дар.

А такие примеры, о которых я рассказал, подкрепляют нашу веру.

Вся эта жизнь является школой. Вся наша жизнь только состоит в подготовке к вечной. Здесь, на земле, мы не живем, а только учимся жить в Отечестве Небесном. Слава Богу за все — за то, что Господь еще терпит нас, ждет от нас истинного покаяния и молитвы.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕБЕСНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

К КОМУ ПОЙДЕМ ЗА ПОМОЩЬЮ?

ИКОНА – ЭТО ПРОПОВЕДЬ ДЛЯ НАС

ОРУЖИЕ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Ваши отзывы о книге
Вы можете направить по электронной почте:
E-mail: blagovestnik@msdm.ru

ИЗДАНИЕ ДАНИЛОВА СТАВРОПИГИАЛЬНОГО
МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ г. МОСКВЫ

НА ЗЕМЛЕ МЫ ТОЛЬКО УЧИМСЯ ЖИТЬ

Непридуманные рассказы

Директор Издательства – *С.Л. Дубинкин*
Главный редактор Издательства – *В.Ю. Малягин*

Редактор – *А.А. Добросоцких*
Художник – *А.Е. Григорьев*
Компьютерная верстка – *И.Р. Цуп*
Корректор – *О.А. Севостьянова*

Лицензия ЛР № 030571 от 20 октября 1998 г.
Подписано к печати 21.02.2012.
Формат 60×90 $^1/_{16}$. Печ. л. 8,5. Тираж 20 000 экз.
Заказ № 69

Издательство Данилова ставропигиального
мужского монастыря
«ДАНИЛОВСКИЙ БЛАГОВЕСТНИК»
115191, Москва, ул. Даниловский Вал, 10/12

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
в типографии ПИПЦ г. Сергиев Посад

*Борьба, война, брань невидимая со злом
за жизнь вечную — она всегда идет.
Так что, милые детки, милые люди Божии,
будьте солдатами, защищайте любовь
небесную, правду вечную. А Господь нам
все приготовил — «от» и «до». От нас только
зависит, как мы будем себя готовить,
как мы будем защищать и исполнять
Закон Божий, как будем каждую минуту,
каждый час защищать этот небесный дар.*

Протоиерей Валентин БИРЮКОВ

ДАНИЛОВСКИЙ БЛАГОВЕСТНИК